

ПАВЕЛ ШМЕЛЕВ

**Простые вещи, или
Причинение справедливости**

Павел Шмелев
Простые вещи, или
Причинение справедливости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104033

ISBN 9785448342806

Аннотация

Наталья, молодая и красивая женщина, упала на троллейбусной остановке. Дальнейшие события разворачиваются самым непредсказуемым образом. Технотриллер с элементами политического детектива – так можно описать жанр романа. С первых страниц он захватывает читателя увлекательным повествованием о теневой жизни провинциального города, его простых обитателях и политической элите. Язык автора (безусловно, мастера современной прозы) делает повествование динамичным. Роман читается «на одном дыхании».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	79
Глава 8	89
Глава 9	99
Глава 10	104
Глава 11	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

**Простые вещи,
или Причинение
справедливости
Павел Шмелев**

© Павел Шмелев, 2016

ISBN 978-5-4483-4280-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Женщина, дайте пройти! – деловитый, молодой, но чуть неопрятный парень, обгоняя Наталью на узкой обледеневшей тропинке меж двух сугробов, довольно ощутимо толкнул помеху своей набитой чем-то острым и тяжелым наплечной сумкой.

Какая-то тетка, неизвестно зачем вылезшая в этот промозглый февральский день из своей норки, по-крабьи ковыляла посередине снежной тропинки, не давая возможности себя обогнать. Сумчатого парня такие нерасторопные люди раздражали. Что им понадобилось в эту пору на улицах неряшливого стылого города? Отчего подобный сорт людей передвигается так медленно, всегда посередине прохода, растопырив свои руки с пакетами? За пенсией на почту? За гречкой? За еженедельником «Аргументы и факты»? Лемминги, чисто лемминги. Вероятно, это удовлетворение потребности в социализации, сенсорный голод, потребность быть в гуще событий, даже не имея возможности на эти события влиять. Вот и эта бабка, вроде и одета не бедно, и тележки на колесиках у нее нет, а туда же – променад ей подавай. А ведь час дня, среда, минус два с мокрым снегом и ветром!

Протиснувшись, деловитый раздраженно оглянулся на Наталью – наверное, хотел выразительной мимикой пока-

зять, что он думает о городской популяции теток вообще, и, в частности, о нелепости существования конкретного экземпляра. Однако, обернувшись, парень стушевался, наткнувшись на обжигающий взгляд серых умных глаз, которые принадлежали не старой – да что там «не старой», ее и пожилой-то язык назвать не поворачивался – красивой, но странно перекошенной женщине лет сорока.

– Извините. Насыпали тут сугробов... – пробормотал парень и поспешил дальше по своим сумчатым делам.

Переждав приступ, который и спровоцировал этот... молодой муфлон, Наталья аккуратно отправилась дальше, наметив курс на остановочный павильон в сотне метров. Приходилось передвигаться невесомо-балетным шагом: обледеневшая покатая тропка принуждала к высочайшей концентрации внимания. Важно держать правильное положение тела, этакой мерзкой загогулиной, и ни в коем случае не оступаться. Любое неосмотрительное движение отзовется такой вспышкой боли, от которой уши закладывает и хрустят зубы. Как же скользко! Ладно, не хватает дворников, которые должны сколоть наледь на тротуарах, но неужели в этом проклятом городе наблюдается дефицит песка, набросать который на дорожки гораздо легче?

Переступая с грацией бегемота, Наталья добралась-таки до остановки троллейбуса. Холодный пот заливал глаза, руки дрожали, а ноги... Когда-то послушные и неутомимые, сейчас они представляли собой две бесчувственные палки,

которые надлежало поднимать и опускать усилием воли. Сегодня плохо работала левая. Нет, не болела, а просто онемела, хоть иголкой тыкай. Наверное, нарушено кровообращение, или нервные окончания начали атрофироваться. Да-а, старуха, как есть старуха, жалкая и никчемная. Бросить бы все, и просто лежать в теплой кровати, глотая горстями таблетки в ожидании неминуемого конца, который ждать себя не заставит.

Поднимая волну, неспешно подплыл облезлый старый троллейбус грязно-голубого цвета, очень похожий на старенький речной буксир. Хорошо, что в это время народу на остановке немного, человек десять. Можно без суеты изготавиться к посадке. Оттолкнувшись плечом от пластиковой стены павильона, Наталья, представила, что несет хрупкую вазу тончайшего стекла и осторожно двинулась к распахнувшимся створкам. Первый шаг дался легко и почти безболезненно, но на втором женщина по щиколотку провалилась в глубокую рытвину, заполненную грязной жижей. Талая вода мгновенно захлестнула верх полусапожек, холод окатил ступню, а позвоночник отозвался черной болью.

– Нестерюк, тварь, сволочь такая, чтоб ты сдох со своими дорогами и троллейбусами в придачу, падла, – сквозь зубы прошипела Наталья, хватаясь за скользкий поручень.

Кое-как взобравшись на подножку, женщина выдохнула. Кажется, прикусила губу – во рту ощущался вкус крови. В глазах роились черные мухи в розовом киселе, сильно пах-

ло машинным маслом и сопревшей одеждой. В этих старых дребезжащих сараях еще не успели поставить турникеты, поэтому заходить дозволялось через двойные и широкие средние двери. А в передние и не пройти – выше сил и болевого порога, увы.

– За проезд передаем! – обмотанная пуховым платком кондукторша, точь-в-точь карликовый пушистый носорог, ловко протискивалась между стоящими пассажирами из хвоста салона.

– Вот, возьмите, – Наталья нашарила в кармане горсть мелочи и, не глядя, протянула кондукторше. К слову, не совсем было понятно, сколько стоит сейчас проезд в общественном транспорте. Наверное, рублей двадцать? Давно не приходилось пользоваться, вот Наталья и подзабыла эти тарифы, которые, впрочем, вырастали ежеквартально. Деньги поменяли хозяина, а носорог продолжил сбор дани. Левая нога промокла насквозь, в сапоге неприятно хлюпало. Пропала обувь: после такого купания и неизбежной сушки нубук итальянских сапог станет куском заскорузлой кожи в потеках соли. Жаль. Но как-то не очень. Пожалуй, это оттенок сожаления, этакая досада на обстоятельства. Гораздо больше жаль себя: до костей продрогшая больная курица, еле переставляющая ноги. Лишь бы доехать и не грохнуться в обморок.

Ехать предстояло недалеко – три остановки до жилого комплекса «Трансгруз». Идиотское название для микрорай-

она, отдает чем-то угольно-пыльным, грохочущим и наводит на мысли о портовом складе, матерящихся грузчиках и кабаках. Название себя оправдывало: шум, грязь и стройка в микрорайоне наблюдались в избытке. Вот уже третий год рядом с уже отстроенными высотками возводились все новые и новые. Двадцатиэтажные муравейники вырастали впритык друг к другу, не оставляя места ни для детских площадок, ни для зелени. Дворы заставлялись автомобилями, дороги преграждались шлагбаумами, а голые полумертвые деревца органично подчеркивали безжизненность урбанистического пейзажа. Но так уж сложилась, что жила Наталья (пожалуй, «проживала») в одном из этих бетонно-зеркальных монстров. Куда и надеялась добраться в середине нервного и безрадостного дня. Ага, вот и ее остановка.

Динамик над головой, затянутый в треснутую решетку прохрипел что-то хрустяще-невнятное. Скособооченные двери троллейбуса, зашипев, нехотя распахнулись. Наталья рукой, обтянутой намочшей перчаткой, крепко вцепилась в поручень и довольно бодро вышла на тротуар. Почти вышла.

Как только нога коснулась покрытого гололедом асфальта, тело Натальи от головы до ног будто пронзила молния. Да это и была молния, только рукотворная. Напряжение контактной сети составляло шестьсот вольт, а рассыпавшиеся в труху две недели назад керамические изоляторы дряхлого троллейбуса не смогли противостоять пробоем. Согласно законам электротехники, ток выбрал путь с наименьшим со-

противлением – в землю, через мокрую обувь, одежду и тело женщины. Меркнувшее сознание успело зафиксировать обжигающую, словно от раскаленного утюга боль в ладони.

Хмурый мужик средних лет в куртке с капюшоном, неторопливо смоливший сигарету в ожидании другого маршрута, с недоумением наблюдал, как с виду приличная женщина в светлом пальто со всего размаху навзничь грохнулась на ступеньки троллейбуса. Сказать по чести – на Елену Исинбаеву тетка не походила. Послышался хруст и даже глухой стук, видимо, головой приложилась неслабо. Ноги снаружи, голова внутри, неприглядное зрелище. Такие кульбиты чреватые трещиной позвоночника. Надо же, еще не вечер, а уже загашенная. Тем более надо помочь, со всяким бывает, а вот водитель, сука, даже не вышел посмотреть, что там за суета.

– Граждане, помогите пьяную перенести, троллейбус задерживает, себе же хуже делаете, – суетилась на площадке мохнатая кондукторша. – Ну-ка, мужчина! Давай, помоги, бери аккуратно. Все видели, она уже на остановке упала? Мужчина, вот туда неси, на лавку. Да не ногами же вперед, прости господи, головой подавай!

Совместными усилиями жертву этого мелкого происшествия посадили на лавочку, благо сидеть она могла, почти очнулась, не стонала и не плакала.

– Я вам скорую вызову, а вы тут сами с ними разбирайтесь, у меня дела, – дружелюбно дыхнул перегаром рабочий мужик, нажимая кнопки сотового телефона. – Алло, скорая?

Женщина, сумочку крепче держите, уведут же. Скорая? Тут женщина упала...

Глава 2

– Лена, для заседания материалы готовы? – хорошо поставленный баритон министра был слышен не только в телефонной трубке, но и через двойную дверь кабинета.

– Сейчас занесу, Константин Викторович. – Лена, секретарь министра, взяла приготовленные материалы, папку с почтой и, выскользнув из-за стола, прошла мимо немногочисленных в этот час посетителей в кабинет начальника.

Несмотря на будний день и пасмурную погоду, настроение у министра транспорта и автомобильных дорог правительства Излучинской области Константина Викторовича Нестерюка было великолепное. Деловое настроение, бодрое. Все было ровно. На заседании аппарата министерства предстояло рассмотреть некоторые детали капитального ремонта и реконструкции дорог муниципального и регионального значения и дорожного хозяйства области. Затем утвердить сметы и одобрить проект, приняв решение о вынесении правительством на обсуждение губернской думой ассигнований в расходную часть областного бюджета на предстоящий год. Сроки поджимали: бюджет верстался до июня включительно, и за оставшиеся месяцы нужно успеть утрясти некоторые вопросы с ключевыми участниками процесса.

Излучинск, индустриальный центр Поволжья, являлся одним из немногих регионов России, которые фактически

не нуждаются в федеральных дотациях. С конца девяностых регион стал для всей страны эталоном бережливого и умного хозяйствования. Статистика показывала уверенный рост промышленного и аграрного секторов, активно осваивались денежные средства, выделяемые для реализации пилотных проектов федерального уровня в сферах связи, транспорта, образования. В первых строчках рейтингов находились излучинские показатели среднедушевого дохода, собираемости налогов, роста рождаемости, снижения смертности. Все эти неоспоримые достижения, вне всяких сомнений, были плодом усилий блистательной плеяды губернаторов Излучинской области и их сплоченных команд.

Нынешний губернатор, Иван Николаевич Каркушкин, немолодой, и очень, очень опытный руководитель управлял регионом третий год. Предыдущее место работы Ивана Николаевича – кресло губернатора Республики Мордовия – оказалось для Каркушкина тесновато. Масштаб его управленческих талантов был очевиден и явно превышал те возможности, которые могла предоставить маленькая лесная республика для служения на благо России. Главное Лицо Страны приняло решение о плановой ротации, направив не менее талантливого и успешного предшественника Каркушкина – губернатора Партякова – руководить очень важной и ответственной работой в Российской государственной корпорации «Ростехнологии».

Когда-то давно, еще до всех войн, Излучинск числился за-

штатным губернским городком с населением чуть более ста тысяч человек. Находящийся на излучине Волги, но граничивший с оренбургскими степями пыльный Излучинск издревле жил торговлей и скромной полукустарной промышленностью. Паровые суда везли вверх и вниз по крупнейшей водной артерии подсолнечное масло и жмых, мазут, керосин, пеньку, мануфактуру, уральское железо и баскунчакскую соль, сибирскую пушнину и астраханские арбузы. От Хлебной площади, главного логистического терминала города, ручейки товаров растекались по окрестностям. Транспортной инфраструктурой служили подводы, запряженные низкорослыми лошадьми, да вьючные верблюды – основной грузовой транспорт для казахских пустынь. Промышленность ограничивалась мыловаренным, свечносальным, поташным производствами, двумя канатопрядильными заводами, фабрикой крахмальной да кожевенной, десятком портняжных и сапожных мастерских, и, конечно же, пивоварней.

Стараниями успешного купца и мецената Ретинского появились было близ города две кумысолечебницы. Но, просуществовав семь лет, пришли в упадок от безалаберного управления и подверглись неспешному разграблению местными обывателями. Железная дорога имела место быть, и это все, что можно сказать о ней, – куда большая роль в этом смысле принадлежала Сызрани, где мост через Волгу делал этот город крупным узловым перевалочным центром.

Двадцатый век поначалу отметился в Излучинске созда-

нием водопровода, постройкой женского монастыря и памятником Императору Александру Второму, возведенному на пожертвования верноподданных благотворителей. Самым заметным событием губернии стало успешное покушение на действительного статского советника Блока, назначенного указом министра внутренних дел Империи Петра Николаевича Дурново губернатором Излучинского края. Спустя три месяца девятнадцатилетний эсер Митрофан Слепухин нашел достойное применение полутора килограммам динамита, присланного по разнарядке из Центрального Комитета – терроризм тогда входил в моду. Его высокородие, выпускник Пажеского корпуса и отец трех детей Блок скончался на месте, лишившись обеих ног. Бомбиста предали суду, сослали на каторжные работы, однако Слепухин бежал с каторги. Правда, до революции не дожил, сгинул где-то.

Вскоре смертоубийство губернатора уступило пальму первенства по части общественного волнения другому событию, а именно – необычайному происшествию на Волге. Колесный пароход «Фортуна», принадлежащий Нижегородскому купцу первой гильдии Савельеву, следуя в Астрахань, на подходе к пристани Излучинска перерубил гребным колесом хребет гигантской белуги. Причина внезапной остановки судна – снулая, но еще живая белуга – вызвала оживление публики салона первого класса и обывателей на пристани. Владелец судна, находившийся на борту, поручил изловить рыбину и в дальнейшем изволил преподнести сей

экземпляр в дар городскому музею. Монстр весом девяносто пудов и длиной в две с половиной сажени был огромен: в подводу, подряженную везти белугу к рыбным рядам, пришлось запрягать битюга с мукомольной фабрики, а хвост чудовища, не поместившись на телеге, волочился по земле. Через несколько лет чучело белуги, которое сделалось местной достопримечательностью и гордостью краеведческого музея, зарубил шашкой пьяный боец из полка красного командира Щорса.

С приходом революции в жизни города мало что изменилось. Памятник Александру Второму стал ниже на три метра, причиной чего являлось оправданное и существенное изменение композиции – место помазанника божьего на центральной площади занял Вождь. Чешские полки Антанты оставили городу взорванный публичный дом, расположенный в кирпичном особняке купца Малышева, и невнятные легенды о царском золоте.

Гражданская война слегка встряхнула городишко, не повлияв ни на промышленность, ни на геополитическое положение губернии. Каждый по-своему отметились кровавый упырь Дыбенко, легендарный комдив Чапаев и очень либеральный чекист Урицкий. Население же боготворило Владимира Оскаровича Каппеля, но недолго. По некоторым сообщениям о генерале скоро говорить перестали, и даже думать боялись.

Большевики внесли посильную лепту в изменение топо-

нимического облика губернского центра – их именами называли сквер, площадь и улицу. Обыватель удивлялся, хотя и осмотрительно молчал. С Чапаевым было понятно – все же это его дивизии выдавили чехов. По сравнению с комдивом Павел Ефимович Дыбенко посещал город чаще. Так, в восемнадцатом он провел в Излучинске несколько дней, скрываясь от ареста ЧК и опасаясь расправы за бездарное командование отрядом красных моряков под Нарвой. В тридцать третьем внезапно вынырнул уже командующим военным округом. С Моисеем же таки Соломоновичем дело обстояло загадочно: он и в городе-то отродясь не появлялся. Единственной причиной местного увековечивания имени председателя столичной ЧК мог быть тот факт, что Урицкий принял самое деятельное участие в появлении арестного ордера на наркома по морским делам Дыбенко.

Мирная жизнь в тридцатых ознаменовалась сносом уникального величественного собора в центре города и возведением на этом месте массивного гранитного здания в стиле неоклассицизма – театра оперы и балета. К приходу сороковых появились и лагеря, не так чтобы много – пять-шесть. Управление особого строительства НКВД СССР, выполняя задание партии, направило труд двадцати тысяч заключенных на строительство гидроузла, аэродрома, двух карьеров, кирпичного и деревообрабатывающего комбинатов, ТЭЦ, механического и авиационного заводов. Держава матерела и готовилась к войне.

Великая Отечественная преобразила Излучинск. Средняя по меркам СССР область внезапно превратилась в крупный индустриальный центр. Десятки оборонных заводов эвакуировались из западных районов СССР, Москвы, Ленинграда, Украины. На окраинах вырастали заводские корпуса и целые улицы дощатых бараков. Компанию заводчанам составили труппы столичных театров, коллективы различных НИИ и высших учебных заведений, писатели, врачи, дипломаты, музыканты – интеллектуальная элита СССР. Жизнь волжского городка круто изменилась. Теперь тут гнездилась и развивалась передовая наука, готовились технические кадры, способные вынашивать идеи космического масштаба, проектировались полигоны и возводились цеха, строились аэродромы и бункеры, прокладывались нефтепроводы и высоковольтные линии. Тут ковался бронированный кулак империи.

Огромный промышленный потенциал региона после войны оказался более чем востребованным. Гидроузел, построенный в сороковых заключенными Безымянлага, стал одной из крупнейших послевоенных ГЭС страны. Развитая же транспортная инфраструктура и налаженные производственные площадки, подкрепленные кадровым ядром ведущих оборонных НИИ, превратили город в космическую столицу России.

Несмотря на исчезновение СССР с политической карты мира, и в двадцать первом веке Излучинск остался одним

из немногих промышленных центров, от которых зависела реализация ракетно-космических программ, так необходимых для престижа России. Конечно, область жила не только этим. Инъекция развития, впрыснутая войной, в новом тысячелетии породила промышленно-финансовую агломерацию, компонентами которой были кластеры автомобилестроения, металлургии, строительства, производства удобрений, нефтепереработки, энергетики. В этот круто замешанный бульон добавлялись компании банковского и страхового сектора, коммерческой недвижимости, торговли.

Город пожирал десятки квадратных километров прилегающих территорий, присоединяя к городской черте умирающие деревушки и волшебным образом преобразая их в элитные коттеджные поселки. Несколько иначе обстояли дела с образованием, медициной и социальной сферой. Эти отрасли не были важны для быстрого извлечения прибыли и переработки ресурсов. Работяги, учителя, врачи довольствовались малым. «Солью земли» стали ведущие чиновники административных аппаратов и владельцы крупного бизнеса. Личная преданность первых лидерам правящей партии и показательная лояльность вторых к той же партии определяли текущую расстановку участников в очереди у кормовой базы. А кормиться было от чего.

Излучинск – не Москва, но, прямо скажем, и не умирающий Детройт. Полноводная река центрального финансирования не обходила стороной областной бюджет, умеренно

дефицитный лишь вследствие неразумной налоговой политики. Верноподданническая активность губернаторской команды и сработавшихся с губернским истеблишментом федеральных чиновников, посаженных Москвой в этот сытный регион, позволяла отщипывать сверхнормативные жирные ломти целевых программ.

Внутривидовая борьба губернских элит и их лидеров в Излучинске, как и повсюду в стране, миновав стадии отстрела, грубого рейдерства и чемоданов компромата, закономерно перешла к мягкой, но от этого не менее смертельной (в деловом и политическом, конечно же, смысле, хотя и по сию пору случалось всякое) тактике партийного, административного и экономического поглощения неугодных методами, далекими как от морали, так и от закона. Это, впрочем, не вызывало возмущения: правила игры понимали и принимали все. Деньги любят тишину – и в регионе было тихо.

Являясь, по утверждению некоторых областных СМИ, успешным кризисным менеджером, «вытягивающим» из стагнации уже не первый ресурсоемкий проект регионального масштаба, министр Нестерюк с искренним уважением относился к мнению региональной прессы и уж тем более сотрудников министерства о своих деловых качествах. Надо сказать, что со временем любой начальник начинает верить тому, что о нем говорят окружающие, особенно подчиненные, ибо это говорится в глаза, открыто, честно,

непредвзято. А в газетах же писали: молодой, талантливый, за государственную копейку горой стоит. Будучи откровенным карьеристом, клиническим взяточником и сознательным подонком, министр постоянно и с удовлетворением отмечал эволюцию таких своих личностных и деловых качеств, как принципиальность, вдумчивость, управленческая дальновидность и скромность.

– Что-то еще, Константин Викторович? – Леночка стояла сбоку от массивного письменного стола карельской березы.

– Да. Пожалуй, кофейку можно. Сделай не очень крепкий.

Поправив галстук и расстегнув пуговицы пиджака от Brioni, Константин Викторович углубился в рассмотрение поступившей почты. В свои пятьдесят три он мог бы являться кем-то повыше министра в зачуханной области. Как человек масштабный, государственный, он уже перерос тесные рамки этого кабинета. Планы есть, но их время настанет позже, в следующем году, а пока еще и здесь не все поляны окуплены.

Вот, взять хотя бы этот мегапроект по строительству моста, соединяющего историческую и промышленную часть города в районе поймы реки Сухая. За пять лет сменилось уже три проектных и четыре генподрядных организации, сметная стоимость сооружения возросла на двести сорок процентов, но областные власти и надзорные организации не выказывают заметного раздражения по этому поводу. Как известно со времен Хеопса, любое строительство превышает смету,

и эта аксиома как нельзя лучше соответствовала устремлениям всех причастных к строительству чиновников. Нестерюк, хотя и являлся ключевой фигурой в этом проекте (вторую скрипку там играл его заклятый враг министр строительства Рихтер), небезосновательно опасался за целостность своей доли пирога.

Тех пирогов, беляшей и чебуреков случалось в карьере немало, грех жаловаться. Еще пятнадцать лет назад, выбившись не без помощи папы из рядовой должности главного специалиста областного Минсельхоза на новый управленческий уровень Нестерюк последовательно возглавлял разнообразные отделы, управления и департаменты в городской мэрии и областном правительстве, успел порулить двумя МУПами и одним казенным учреждением. Так получалось, что все должности у него были «ресурсоемкие» – хотя и хлопотные, но обязательно связанные с немаленькими бюджетными средствами. Контроль расходования государственного рубля был очень суровым и жестоким. Нет, скорее – «как бы суровым и жестоким» (Константину Викторовичу нравилось это неопределенное паразитическое выражение «как бы»). Жирной, будто в копченой грудинке прослойка, запомнилась двухлетняя работа в департаменте благоустройства мэрии. Жаль, что мэр скovyрнулся, не сумев правильно сориентироваться в быстро меняющейся предвыборной обстановке.

Нестерюк ориентироваться умел, а к управленческой де-

ательности испытывал душевную привязанность. Правильная ориентация в бюрократическом биоценозе, установление и защита своего места и роли в процессе эволюции – залог успеха, сиречь обогащения, так считал Константин Викторович. Припоминалось, что первые попытки в управлении людьми он проявил в девятилетнем возрасте. Тогда, вернувшись из пионерского лагеря, Костик привез в отчий дом легкий ларингит и значительный багаж обценной лексики – вожаками попались студенты педагогического института. Мама, Светлана Альфредовна, весьма обеспокоенная надсадным кашлем (чему поспособствовали сигареты без фильтра) своего мальчика, потащила его на обследование в поликлинику, где участковый педиатр счел нелишним провести кое-какие анализы. Костик никогда не сталкивался с процедурой отбора капиллярной крови, и наивно полагал, что сейчас его опять заставят высовывать язык и делать прочую бессмысленную ерунду. Медсестра Полина быстро, как на конвейере, извлекла из стерилизатора скарификатор, неожиданно для Костика схватила его палец и отточенным движением произвела прокол. Не ожидавший такой подлянки мальчик сидел совершенно спокойно, но лицо его стало белым как полотно. Новые ощущения ураганом ворвались в мозг, но почему-то никак не отразились на мимике.

– Ты что сейчас сделала, курва? – тихо, но отчетливо произнес Костик и немигающим взглядом уставился на бусинку своей крови.

Поля, младший медработник, только год назад пришедшая из училища, растерялась. Она привыкла к детям ласковым, испуганным, рыдающим в голос, иногда капризным, но никогда не сосредоточенно злым и агрессивным. Этот волчонок ее напугал, и... она заплакала. Мамаша волчонка тут же бросилась в коридор и, роняя там смотровые кушетки и пеленальные столики, начала громогласно распространяться насчет недоученных коновалов, угрожающих жизни советских детей. Свидетелей инцидента не было, однако заведующая отделением, прибежавшая на шум, поверила почему-то Полине, а не запутанной и сомнительной версии Светланы Альфредовны, пребывавшей, кстати сказать, этим утром в состоянии легкого похмелья. Это обстоятельство способствовало появлению в поликлинике наряда милиции, живо заинтересовавшегося произошедшим.

Инцидент удалось погасить коробкой конфет и двумя бутылками коньяку. Светлана Альфредовна философски отнеслась к взрослению отпрыска, а Костик усвоил урок: нестандартный ход способен повлиять на обстоятельства, правда, иногда в неожиданную сторону. А еще Костик вывел, что люди – овцы, и даже большому стаду нечего противопоставить напору настоящих лидеров.

Воспитание Костик получил от отца, и это было хорошее воспитание. К духовной стороне жизни сына Виктор Сергеевич обращался нечасто, но вот практические знания, жизненная опытность и смекалка отпрыска его заботили посто-

янно и всенепременно.

Виктор Сергеевич, живой и здоровый, ныне уже отошел от дел. А в начале семидесятых он, молодой и деятельный заместитель начальника отдела горпищеторга Излучинска, был огонь! Поработав на заре своей карьеры простым экспедитором, Виктор Сергеевич быстро разобрался в «раскладах» и поступил заочно в институт советской торговли, благо рекомендации по комсомольской линии имелись, да и уволившихся в запас из армии мужчин принимали в этот вуз охотно. За семь лет товарищ Нестерюк-старший, уже кандидат в члены КПСС, последовательно и скрупулезно рассмотрел все варианты обогащения. Негласный девиз советской торговой номенклатуры гласил: «На партию надейся, а гирьки сверли». Торговля мясом, рыбой, даже сахаром или яйцами представлялись козырными, но хлопотными: много народу и мало кислороду. Обращивались в основном безналичные деньги, да и посредников от этапа производства до конечного сбыта хватало. Не дремало и ОБХСС – посадки шли тогда густо. Поэтому выбор остановился на снабжении населения города таким необходимым продуктом, как пиво. Пивзавод Излучинска славился на всю страну качественным и ароматным солодовым напитком. И технология изготовления оказалась настолько хороша, что главного инженера Григорьева наградили званием Героя Социалистического труда, а это для отрасли являлось случаем беспрецедентным: все же пиво варить – не целину осваивать.

Снабжение пивных точек в Излучинске – а всего их насчитывалось одиннадцать – пребывало в семидесятих в плачевном состоянии. От рабочих поступали жалобы в Горисполком и даже в горком партии. Пиво завозилось нерегулярно, с опозданиями, в связи с чем в четыре часа пополудни направлявшиеся домой и уставшие рабочие первой смены вынуждены были толпиться в очереди, а порой и вовсе оставались без напитка. У органов тоже имелись претензии – пиво разбавляли всякой дрянью, пивные ларьки не могли похвастаться высоким качеством обслуживания, а прилегающая к ним территория чистотой. Пивных павильонов вообще не наблюдалось, и все это снижало уровень культуры потребления.

Виктор Сергеевич Нестерюк постарался, чтобы этот острый вопрос подняли на партбюро горпищеторга, подняли по-партийному принципиально, жестко. Как водится, инициатору поручили исполнение решения. В рамках квартального плана и согласно партийному заданию Нестерюка назначили куратором вопроса. В течение двух месяцев он добился порядка. Были дополнительно «выбиты» восемь девятилитровых бойлеров, возившие раньше квас, и закреплены постоянные водители машин. С начальником отдела сбыта пивзавода Нестерюк договорился о первоочередной отгрузке, ведь пиво отпускалось и по районам области, и даже в другие города. Такая договоренность обходилась новоиспеченному негоднику в тысячу рублей ежемесячно. Под-

важный склад продмага в одном из зданий в центре города, а также один ларек на конечной остановке трамвая переоборудовали в пивные павильоны: стойка, пластмассовые столики, сухарики и вобла. Невиданный по тем временам сервис! Постепенно все пивники заменились на людей куратора, и только двое, вовремя понявшие конъюнктуру, сами поклонились рубликом и остались работать на условиях Нестерюка-старшего.

Уважаемый Виктор Сергеевич стал Главным Пивником города. Пивное ремесло в те времена буквально сочилось деньгами изо всех пор. Рядовой сменный продавец не самого центрального ларька при зарплате в сто десять рублей имел чистоганом семьсот. И это при условии, что профессию понимал, относился к ней осторожно и щепетильно, то есть бодяжил пиво из водопровода в меру, не более двухсот грамм на литр, триалона добавлял две ложки на сто литров, чтоб аккуратно и без фанатизма, а недолива свыше пяти процентов не допускал. Да что там пиво! Около центральной проходной завода имени Сметанина годами торговала газировкой улыбчивая бойкая женщина средних лет. Сварная тумба, выкрашенная в канареечный цвет, зонтик от солнца и дождя, два сифона, баллон с углекислым газом, да шланг с водопроводной водой – вот и все хозяйство. Цена стаканчика – копейка без сиропа, четыре с сиропом, а очередь стояла с шести утра и до восьми вечера. А как же? Рабочий человек завсегда с утра, да и после смены желает газировки.

Идеальный бизнес в благополучную эпоху социализма! В десяти метрах от торговли – полупустая стоянка для немногочисленных в то время автомобилей. Рядом с «москвичами» и «запорожцами» заводчан сверкала лаком новенькая «копейка» голубого цвета. Да, это была машина улыбчивой продавщицы, заработанная честным трудом.

А тут – пиво, а не копеечная газировка. Старший Нестерюк получал не только деньгами. Фиксированная такса сбора от пивников устоялась в пятьдесят рублей за рабочий день (в праздники и выходные по сто, а с павильона и все двести), однако десятки тысяч тратить было некуда. Поэтому он брал связями, знакомствами, постепенно обрастая ими, словно торговое судно в теплых морях – полипами и ракушками. Связи получались разно-всякие и полезные: торговые (заведующие базами, рынками, директора магазинов, станций техобслуживания, снабженцы всех мастей), советско-партийные (им тоже хочется горло промочить). Не остались в стороне военная верхушка – турбазы, охотхозяйства и санатории у них отменные, а военкоматы ох как полезны бывают! Шушера вроде врачей, учителей – это само собой, но дантисты и венерологи стояли особняком, к ним всяческий почет и уважение, золото и врачебная тайна в пивном деле тоже имели хождение. Со временем появились и криминальные контакты, что поначалу нервировало Виктора Сергеевича. Но все образовалось, притом наилучшим образом. Получилось так, что Нестерюк свел знакомство с вором в за-

коне, тот имел погоняло «Букварь». Букварь был смотрящим в области, держал общак, вел себя достойно – в руки ничего подстатейного не брал: ни наркоты, ни оружия. Главный Пивник отстегивал ему толику доходов по-божески, два косяря в месяц, а за это получал спокойствие на всех пивных точках. Бакланов там вывели быстро и окончательно, дабы хулиганка не привлекала нездоровое внимание милиции.

Освоившись, старший Нестерюк прибрал к рукам и другую доходную городскую негоцию – прием стеклотары. «Пушнину» принимали как рядом с пивными точками, так и вразброс по городу, передвижными пунктами. Заедет во дворы девятиэтажек грузовичок, и дудит водила в медную трубу, вроде валторны. Жители сразу понимают, что пора с балконов и кухонь доставать бутылочки. Хитрости в «пушном» деле водились немудрящие: с десятка бутылок отставить одну-две (горлышко отколото), немытую посуду не принимать (на доньшке молочко присохло), от шампанского не брать. Граждане тащить это обратно ленились, да и незачем. Бросали рядом, а приемщик добру пропадать не давал. Можно и по дороге списать на бой ящик-другой, да с накладными поколдовать. Натурально, вся эта неучтенка превращалась приемщиком в звонкую монету, а куратор получал свое, да не десятину – много больше.

На том и жил Виктор Сергеевич, постепенно складывая в кубышечки рубли, кое-какое золотишко (царские червонцы еще водились, обручальные кольца, да зубные коронки

ломом), а потом и доллары пошли. За валюту светила пятнашечка, а то и «вышка». Приходилось хранить активы в первобытном виде, в стеклянных трехлитровых банках. Черная «Волга» и дачка с банькой в ту эпоху были пределом системной капитализации доходов, однако понимал отец, что придут, придут правильные времена, никуда не денутся. В рассуждении о будущем держал Нестерюк-старший отпрыска в строгости сызмальства, воспитывая из него человека, понимающего истинные ценности: и что такое трудовая копеечка, и что такое уважение к родителям, то есть к отцу. А мамаша-то блаженная, что с нее взять?

Так уж получилось, что Светлана Альфредовна, еще в свою бытность девицей и студенткой торгового техникума, несмотря на прозвище «Агдам», свою любовь к одноименному напитку и некоторую легкомысленность в отношениях с мужчинами, была девушкой далеко не глупой. Странноватой, но с убеждениями. К внезапно наступившей беременности она отнеслась вдумчиво и распорядилась ею хозяйски, осмотрительно. Партия обещала быть неплохой – Витюша подавал надежды «выйти в люди». За Светочкой давали в приданое трехкомнатный кооператив, и все сложилось как нельзя лучше: через два месяца после свадьбы, как и положено, родился Костик, здоровый крепенький мальчик. Агдам работать не пошла, так и не найдя в себе призвания к торговле. Осталась домохозяйкой, а воспитание отпрыска доверила школе, пионервожатым и мужу, заботясь о сыне,

лишь как о большом разумном хомяке – существо должно быть накормлено и здорово.

«Милая, добрая матушка, всегда пахнувшая пирожками, духами Climat и чуточку Marlboro», – с улыбкой думал о ней сейчас Константин Викторович. У родителей почему-то не сложилось, но что в том за беда? Дело житейское, ведь и поныне, живя порознь, были они вполне счастливы. Нестерюк-старший обрелся в поместье, которое неведомо как удалось построить и узаконить еще в восьмидесятых в центре заповедника «Шигонский утес», и встречал старость истинно мужскими занятиями – охотой, рыбалкой и меценатством. Настоятель построенной на деньги Виктора Сергеевича церкви был в поместье частым гостем, проводя с хозяином долгие вечера в рассуждениях о нравственности, не забывая, впрочем, отдавать должное результатам опытов сына божьего Виктора в богоугодной науке пивоварения. В скромные дни, конечно же.

А Светлана Альфредовна уже двадцать лет пышно увядала на окраине Гурзуфа в трехэтажном особняке среди небольшой кипарисовой рощи. Ее компанией стал небольшой штат приходящей прислуги, два дога-далматинца и шумноватая соседская семья Мамикона Багратуни – осевшего в Крыму отпрыска, как ему самому казалось, старинного армянского княжеского рода. Чем-то смахивающий на волосатый арбуз, Мамик очень уважал дорогую Светланочку Альфредовну за широту души и любовь к выдержан-

ным крепленным винам Массандры, богатую коллекцию которых Мамикон щедро предоставил в полное распоряжение Светы-джан.

Поразительные виды на Аю-Даг, персиковые деревья в саду Мамика да бельгийский паспорт (происхождение которого было туманным) способствовали умиротворению, и вела Светлана Альфредовна образ жизни настолько рассеянный, что даже присоединение Крыма к России оказалось ею замеченным не сразу. Это обстоятельство, впрочем, никак на бытие пожилой женщины не повлияло – мускатный портвейн был по-прежнему ароматен, Мамик обходителен, поэтому коммунизм на отдельно взятых восьмидесяти сотках (подкрепленный пожизненной рентой от бывшего мужа, значительной даже по западным меркам, а по Крымским – так и вовсе безобразно огромным) оказался свершившимся фактом.

Глава 3

– Лена, Мотыгу пригласите ко мне, – не глядя, Константин Викторович надавил кнопку громкой связи на шикарной системной консоли Digium. Воспоминания о детских годах и родителях (дай им бог здоровья) не мешали Константину Викторовичу просматривать документы, и его внимание привлекло одно письмо, точнее, жалоба.

– А вот он, только что подошел, ждет в приемной.

Лена, сотрудник опытный, лояльный и знающий себе цену, посчитала уместным передать неуловимой голосовой модуляцией свое отношение к Мотыге, каковое, собственно, стало уже привычным для министра и не вызывало у последнего внутреннего протеста. Чувства Лены к Мотыге ограничивались брезгливой аккуратностью – так обращаются с энцефалитным клещом, который загадочным образом оказался в самом нежелательном для женщины месте.

Мотыга, доверенное лицо Константина Викторовича, занимал невысокую должность референта государственной службы второго класса в управлении ресурсного обеспечения. Бывший сотрудник судебного департамента, тихо уволенный за махинации при ремонте зданий для мировых судей, Вова Мотыга пристроился в министерство транспорта, где его главной и единственной задачей стало выполнение всех деликатных поручений министра. Маленького ро-

ста, одетый вызывающе дорого, безвкусно и как-то помято, Вова напоминал сутенера, по недоразумению очутившегося в консерватории. Всегда влажные ладони, редкие волосы сосульками, глаза навывкате, будто у лягушки из детских книжек, не делали референта душой компании и любимцем женской половины сотрудников министерства, у которых Мотыга получил прозвище Блевантин. Все это мало волновало министра. Исполнительность, преданность и цепкая жадность Мотыги были качествами, которые всегда востребованы на госслужбе. Специалистом же Блевантин оказался весьма неплохим – разбирался в сметах, строительстве, бухучете и других нужных вещах в том объеме, который позволял и контролировать подрядчиков (чтобы не нагтели), и одновременно как бы экономить бюджетные деньги.

– Тут вот что, Вова, – министр зашелестел бумажками на столе, и, найдя нужную, уставился на подчиненного, – гражданка жалуется. Прокуратура проводит как бы проверку в порядке надзора, прислала копию запроса. Поражение электротоком в троллейбусе, травма, временная потеря трудоспособности. Такая фигня, понимаешь.

– Константин Викторович, так мы при чем? Троллейбусы – это МУП, подведомственный городу, их обязанность – не выпускать за ворота несправный состав! – Вова возмущенно пожал плечами и взял протянутые бумаги.

– Ну, она не на них жалуется, и не на нас, а вообще... – министр изобразил пальцами неопределенную фигуру, сверк-

нув золотой запонкой Dupont в манжете сорочки.

– Да, да, вижу, – листая переписку, Мотыга присел за при- ставной столик. – Еще состояние дорожного полотна, лужи, снег... Много же у нее претензий, все в одну кучу свалила, но мы то здесь каким боком?

– С этой жалобой надо аккуратнее, Владимир Леонидо- вич, – когда министр называл Блевантина по имени и отече- ству, это обозначало строгость и принципиальность руково- дителя органа государственной власти.

– Слушаю вас, Константин Викторович, – подобрался Мо- тыга.

– Это те троллейбусы, которые мы по целевой программе модернизировали два года назад, припоминаете, надеюсь?

– Так точно! Вспомнил. – Мотыга изобразил задумчи- вость на пороге озарения.

– Подготовите аргументированный ответ в прокуратуру с приложением копий актов приемки-сдачи, протоколов ис- пытаний, заключения независимой экспертизы, сертифика- тов соответствия, ну ты сам знаешь, – министр снова вклю- чил доверительное обращение. – И с МУП ТТУ свяжись, проконтролируй, что они там по этому вопросу собираются отвечать. Надо, чтобы никаких претензий к нам у прокурор- ских не было, а женщина... Надо или дома сидеть, или под ноги смотреть.

– Да, действительно, – поддакнул Блевантин, – повади- лись за государственный счет налаживать свое благополу-

чие, чистой воды потребительский терроризм!

– Вот-вот, именно так мы и расцениваем эту необоснованную жалобу, – Нестерюк ткнул перламутровым кончиком «монблана» куда-то в направлении мотыгиной головы, – а ответ пусть подпишет мой заместитель. По исполнению доложишь. Свободен.

Озабоченность министра объяснялась просто. Выделенная два года назад областным бюджетом кругленькая сумма в двести восемьдесят миллионов рублей предназначалась для очередной модернизации троллейбусного парка областного центра и еще трех городов губернии. Всесторонний анализ показал, что приобретать десять новеньких троллейбусов, которые все равно не решили бы проблемы ветхости подвижного состава, – шаг неразумный. Выгоднее модернизировать около восьмидесяти старых машин.

Главным исполнителем программы и распорядителем бюджетных денег стало министерство транспорта и автомобильных дорог. Модернизация заключалась в замене практически всего электрооборудования троллейбусов, включая тяговые двигатели, токоприемники, контроллеры, аппараты токовой защиты, аккумуляторы. Предусматривалось и обновление салонов, установка валидаторов, тахографов, поставка систем ГЛОНАСС для диспетчеризации маршрутов, внешняя и внутренняя покраска, замена стекол и многое другое. То есть от старых машин вроде бы оставались только шасси, тележки.

Хитро подготовленное техзадание допускало к участию весьма ограниченное количество компаний, которые могли предложить необходимое. Указанные характеристики соответствовали самому дорогому на рынке немецкому и южнокорейскому оборудованию. Проведенный аукцион выявил победителя – ООО «Агрегаткомплект», организацию, зарегистрированную за два месяца до объявления торгов и в спешном порядке получившую необходимые лицензии. Учредителем «Агрегаткомплекта» по случайному совпадению был двоюродный брат Мотыги. После завершения работ и подписания приемо-сдаточных актов троллейбусы преобразились, по крайней мере, внешне. Правда, ненадолго – дешевая нитрокраска, нанесенная поверх ржавчины, отслаивалась на морозе. Дорогостоящая же начинка фирмой-победителем не закупалась. Вместо нее исполнитель госконтракта предъявил сертификаты соответствия на оборудование китайского производства. По бумажкам все было гладко, требования госзаказчика выполнены, а главный механизм государственного контроля – лицензирование исполнителей и сертификация техники – в очередной раз обойден легко и непринужденно, допустив на рынок госзакупок не случайных проходимцев и рвачей, а «правильную» компанию. Шестьдесят процентов бюджетных денег обналичились через цепочку субподрядных организаций и нашли новых хозяев. Конечно, пришлось «отчехлить» многим – в окружной Транснадзор, председателю профильного комитета Гу-

бернской думы, в аппарат губернатора, руководству ТТУ. Но и Нестерюк, как высшее должностное лицо заказчика, внакладе не остался – сорок миллионов всегда найдется, куда пристроить.

Мелкая неприятность с растяпой, ее фамилия вроде Сапарова... да, Сапарова. Так вот, Сапарова, которая не может устоять на ногах, не должна стать причиной повышенного интереса прокуратуры к истинным причинам происшествия. Однако Блевантин свое дело знает, оформит все грамотно.

Тихонечко промурлыкал позолоченный консервативный Vertu – Константин Викторович не любил новомодных смартфонов. На том конце линии послышался утомленный голос Регины.

– Костик, лапушка, а ты где сейчас?

Не стоило заблуждаться относительно истинной цели звонка. Регина была художницей, по крайней мере, так она сама считала, несмотря на отсутствие какого бы то ни было образования. Результатом ее творчества были почему-то всегда квадратные и полные безумия картины цвета героинового прихода. Похоже, что Регина или опять нажралась в своей студии, или машину разбила. Нестерюк посмурил лицом, но ответил с осторожностью.

– Я на работе. А у тебя все в порядке?

– Да-а, в по-ряд-ке... Знаешь, я тут в «Европейском квартале» сумочку подбираю, – Регинкин голос показался тягучим и как бы ласковым, со странным придыханием. Значит,

действительно пьяная.

– Отличная мысль, полностью одобряю, – Константин Викторович помедлил секунду. – Не отказывай себе ни в чем.

– Ха! – произнес Vertu и отключился.

«Ха». Что это означает? Непонятно. А какая разница? «Не отказать ни в чем» она все равно сможет лишь в пределах тысяч восьми... может, десяти тысяч евро, то есть в пределах кредита золотой Visa. Ничего, это он вытерпит, да и затруднительно столько потратить на сумки.

Заложив сцепленные руки за голову, Константин Викторович откинулся в кресле. Мысли потекли в направлении карьерного роста. Надо начинать заниматься этим вплотную. Должность вице-губернатора скоро будет вакантной, старенький Ильичев совсем спился, и пора ему на покой. А там, глядишь, и Совет Федераций не за горами, а это совершенно иной уровень и другие деньги. Нет, не так – ДРУГИЕ ДЕНЬГИ. Сенатор – это звучит гордо.

Глава 4

– Наталья Олеговна, все в порядке? – Заглянувшая в палату медсестра держалась деловито и в меру приветливо. – Через пять минут обход, будьте готовы.

– Хорошо, – кивнула Наталья уже закрывающейся двери.

В областном онкоцентре она обреталась уже четвертый день. После происшествия на остановке Наталью «скорой» доставили в приемный покой дежурившей по городу «Пироговки». Женщина находилась в сознании. Еще в дороге фельдшер провел новокаиновую блокаду, закатил в жилу литическую смесь и кордиамин, после чего счел состояние больной стабильным. Уже стационарно пострадавшую осмотрели, задокументировали ожог кисти, ушиб головы, мягких тканей, травму позвоночника, и со слов, – поражение электротоком. Обо всем этом, как требуют инструкции Минздрава, дежурный статистик сообщил в районный отдел полиции. Редкий случай, но у поступившей пациентки с собой оказался и полис, и медицинская карта, из которой следовало, что она наблюдается в Излучинском областном онкодиспансере.

По этой причине на следующий день Наталью сдали с рук на руки от греха подальше в профильное учреждение, и вот уже третьи сутки она тут. Здесь уютнее, если это слово уместно для обители скорби. Новенькое оборудование, чи-

стые палаты, просторные холлы контрастировали с угрюмой монументальной неряшливостью разрушающихся корпусов и помещений «Пироговки», отстроенной еще в шестидесятых.

Есть люди, которые воспринимают окружающий мир цветными образами. Яркие, радостные моменты жизни окрашены оранжевым, словно марокканский мандарин, цветом. Романтические мгновения радуют память бархатно-сиреневой тональностью, теплый терракотовый оттенок сопровождает спокойные будни. Холодные серо-стальные цвета – это уже тревога, стресс, но и здесь попадаются вкрапления иных, положительных эмоций, ведь они случаются даже у прирожденных меланхоликов и пессимистов. А отвращение, гнев, ненависть затопят сознание изжелта-свинцовым гноем.

Генетическая оптимистка Наталья Сапарова, красивая, жизнерадостная женщина сорока четырех лет, всегда искрящаяся весельем и заражающая неподдельной радостью и оптимизмом окружающих ее людей, весь последний год была погружена в угольную черноту страшной действительности. Чувство страха, безысходности и обреченности не оставляло ее даже во сне. Рак позвоночника. Этот жуткий приговор ставил крест на всех мечтах и планах, заранее выводя внешне здорового человека из списков живых.

Впервые услышав свой диагноз, Наталья поначалу ему не поверила, точнее, разум отвергал приговор, сформулиро-

ванный в холодных медицинских терминах. Ведь она поддерживала отличную спортивную форму, ее почти ничего не беспокоило, кроме легкого остеохондроза, который, собственно, и стал причиной обращения к докторам. Увы, быстро настали вечные сумерки, на задворки сознания отодвинулись друзья, работа, незаконченные дела. Пришли физические страдания. Тело отказывалось служить своей хозяйке: немели конечности, ухудшались зрение и слух, нарушилась координация движений, и все чаще ноющая тупая боль перемежалась с приступами острой.

Странно, что именно сейчас, лежа в не очень удобной казенной кровати «ракового корпуса» в ожидании окончательного, жуткого приговора, Наталья физически ощущала себя довольно сносно, и даже навязчивый запах яблок, витавший в палате ей почти не мешал. Сегодня с утра мир был цвета осенней сосны – зеленоватый с ржавчиной. Неплохой цвет. Осторожно подняв левую ногу, не утратившую привлекательности, Наталья испуганно замерла. Такой эксперимент не удался ей уже пять... нет, шесть месяцев. Боли не было совсем. Что-то не так. Согласия на инъекцию морфинов она не давала, потому что не желала погружаться в наркотический туман на закате жизни, пусть даже и ради избавления от страданий. А голова оставалась ясной, даже слишком. Правда, из произошедшего троллейбусного инцидента Наталья запомнила немного, в памяти отложились скрип колес больничной каталки да изжелта-свинцовое ощущение холо-

да и грязи вокруг. Ремиссия, несомненно, кратковременная ремиссия на фоне мощной обезболивающей блокады, и все это – признаки окончательного финала. Так бывает, Наталья читала о чем-то подобном на многочисленных форумах.

В такой дурацкой позе, с поднятой ногой и растрепанными волосами (повязку с головы еще не сняли) ее и застал милейший Борис Маркович, появившийся в распахнутой двери. Деликатно кашлянув, доктор, державший в руках папочку с зажимом для бумаг, прошел, наконец, к больной, чтобы присесть на аккуратненький вертящийся стульчик без подлокотников. Тридцатипятилетний кандидат наук, врач высшей категории Борис Кельман выглядел, как всегда, красавчиком. Его высокую спортивную фигуру подчеркивал подогнанный по размеру белоснежный костюм хирурга, смотревшийся на других чуточку мешковато, очки в стальной оправе не скрывали карих с искринкой глаз, а чуть заметный терпкий запах с нотками бергамота и сандала завершал образ чуткого, аккуратного и вызывающего доверие профессионала. Доктор пребывал в милой растерянности, словно с похмелья, и это было заметно.

– Что же, Наталья Олеговна, как у нас сегодня дела? – не дожидаясь ответа на вопрос, Кельман взял Наталью за кисть, нащупывая пульс.

– Борис Маркович, доброе утро. Во-вторых, что мне кололи? – несколько агрессивно и непоследовательно, зато коротко сформулировала Наталья свои мысли.

Склонив голову набок, доктор на мгновение замер, к чему-то прислушиваясь. Где-то в коридоре звякнула посуда, наверное, убрали после завтрака. Руки врача были сухие и теплые, а прикосновение оказалось неожиданно приятным.

– Во-вторых, Наталья Олеговна, лично я вам ничего не колот, – кисть Натальи была аккуратно отпущена. – Я даже не назначал ничего, кроме глюкозы и комплекса витаминов. И все же, во-первых, как ваше самочувствие?

В интонациях Кельмана Наталья уловила странности. Вообще-то, деликатность и внимательность вкупе со сдержанным оптимизмом являются профессиональными качествами онколога, который в силу специфики своей деятельности обязан быть и немного психологом. Но сейчас в голосе врача улавливалась настораживающая неуверенность, будто у Натальи, кроме такого пустяка, как рак, обнаружили еще и вирус Эбола.

– Знаете, доктор, самочувствие мое нормальное. Даже хорошее, и меня это пугает. Позавчерашний день, это когда меня привезли, я практически не помню. Вчера мне было плохо и больно, я почти все время спала. А сейчас... Скажите прямо, что все это означает?

– Что ж, скажу. Отчего не сказать? Повернитесь-ка, я пропальпирую. Подушечку под живот подложите, да, вот так. Я ведь анализы получил, снимки новые посмотрел, томограмму глянул. И проконсультировался с коллегами... Так боль-

но? А так? Поворачивайтесь.

Наталья повернулась, и, подобравшись повыше на подушках (а боли все не было!), уставилась на врача, запахнувши халат и скрестив поверх него руки.

– Доктор, продолжайте.

– Кстати, почему вы все время приноживаетесь, у вас в палате плохо пахнет?

– Пахнет нормально, только яблоки вон в той тумбочке залежались, – кивнула Наталья в сторону соседней пустой кровати.

– Н-да... Собственно, этого следовало ожидать, – доктор аккуратно взял Наталью за голову обеими ладонями и большими пальцами оттянул вниз нижние веки больной. – Так, так, та-а-к... Знаете ли, Наталья Олеговна, вы тут одна, а там нет никаких яблок, запах только у вас в голове. Кстати, есть ли еще какие—то необычные ощущения? Галлюцинации, звуки, головокружение? Привкус во рту? Зрение не нарушено у вас? Сколько пальцев? А так?

– Нет. Нет. Нет. Три. Четыре, – больная уже злилась. – Я слушаю вас внимательно, доктор!

– Хорошо. Итак, как вы помните, анамнез был следующий. Мы озаботились интрадуральной опухолью в районе шестого и седьмого позвонков. Дальнейшая диагностика показала злокачественное новообразование под названием хондросаркома. Это распространенный вид образований, но протекает заболевание по-разному, возможны всякие ва-

рианты.

– Какие еще... варианты? – Наталья громко сглотнула.

– Пожалуйста, дайте закончить! – Кельман предостерегающе выставил ладонь. – Не перебивайте меня, я тоже волнуюсь. Итак, это заболевание сопровождается компрессией спинного мозга, что характерно в такой выраженной форме и с такой симптоматикой как у вас для... допустим, второй, а иногда и третьей стадии. Вынужден констатировать, что вы обратились поздно. Тут ведь как? Чем раньше выявляем, тем успешнее лечение. Вы понимаете, что такое компрессия?

– Да, я инженер. Это сдавливание, – кивнула Наталья. Слезы она удерживала едва-едва. Неужели остались недели, даже не месяцы?

– Совершенно верно, – удовлетворенно кивнул доктор, – сдавливание, в том числе и нервных окончаний. А спинной мозг – это элемент центральной нервной системы, и он управляет э-э... рефлексам, реакциями, передает импульсы, поэтому мы с вами и наблюдали онемение, частичную потерю подвижности, острые боли. Я понятно объясняю?

– Борис Маркович, я учила биологию, черт возьми, я прочитала за последний год про свою болезнь больше, чем вы в аспирантуре! Извините, – Наталья глубоко вздохнула. – Говорите же скорее! Сколько мне осталось?

– Бога ради, успокойтесь, – доктор положил ладонь на сжатый кулак Натальи. – Я не хотел вас пугать, наобо-

рот! В нашем случае мы столкнулись с феноменом, не уникальным, но достаточно редким. Я, по крайней мере, в своей практике такого не встречал.

– Сейчас я вас ударю!

– Наталья Олеговна... Наташа! – Кельман сжал запястье больной, ощущая участившийся пульс, может быть, даже свой. – Судя по всем показаниям, результатам лабораторно-инструментальных исследований и симптоматике, вы поправляетесь. Это очень, очень предварительные выводы, возможно даже, что мы наблюдаем лишь индивидуальную психосоматическую реакцию на травму, но я не считаю этичным скрывать от больного любой, даже призрачной надежды на выздоровление. Тщусь надеждой, что такой результат мы достигли правильно выбранной стратегией лечения, но буду честным, Наташа. Наше лечение, как мне кажется, тут ни при чем. Вам просто повезло. В онкологии пока много загадок. Можно я скажу по-простому?

Гигантский черный шар беззвучно лопнул в голове у Натальи, рассыпавшись на мириады перламутровых мушек, забавно плясавших в глазах. Кажется, она обмочилась.

– Да, прошу вас...

– Травма, полученная вами... Точнее, комбинированная травма: поражение током, удар затылочной частью головы – а приложились вы душевно – плюс к этому серьезный ушиб в области опухоли. Сейчас эта гематома, кстати, уже сходит. Так вот, все это вместе привело, как я считаю, к последстви-

ям. Хорошим, позитивным последствиям. Клиническая картина нам не ясна, и вряд ли мы ее установим, но факт есть факт. Маркеры показывают полную остановку деления злокачественных клеток, а томограммы и рентгеновские снимки – уменьшение образования примерно на пятнадцать процентов. Судя по тому, что я вижу, успешно восстанавливаются и двигательные функции. И это все за три дня.

– Когда я смогу выписаться? – Наталья быстро взяла себя в руки.

– Да что вы, это очень нескоро. Недели три мы вас наблюдаем, раньше не могу вас отпустить. Потом отдохнете дома, и снова к нам в гости. Ну а там посмотрим. И учтите, – доктор встал, – даже если все пойдет хорошо, то регулярные обследования до конца жизни – ваш крест. Запомните это крепко-накрепко. А сейчас я вас оставлю. Думаю, вам нужен покой. Повторяю – мы не прощаемся, вы по-прежнему больны.

Оставшись одна, Наталья не двигалась, прислушиваясь к ощущениям и осмысливая произошедшее. Чудо? Кто-то, в кого она не очень верила, подарил ей жизнь. Или надежду на жизнь, что, в общем-то, суть одно и то же, разве нет?

Уже погружаясь в забытые цвета лайма, Наташа прошептала:

– Тотошка, по-моему, мы уже не в Канзасе...

Глава 5

Юрист второго класса Андрей Юрьевич Макагон, ведущий специалист прокуратуры города Излучинска, стоял у окна своего кабинета. Помешивая ложечкой чай в стакане, он с интересом наблюдал за старушкой, вынашивающей намерение пересечь проезжую часть в зоне пешеходного перехода. В месте, где был оборудован переход, разлилась огромная, поблескивающая чем-то маслянистым лужа. Старушка (не самый быстроходный человек из всех, кого видел Макагон) тащила за собой хозяйственную сумку на колесиках и предпринимала уже вторую попытку, стараясь уложиться в 20 секунд зеленого света и одновременно избежать брызг от колес проезжающих машин.

В свои тридцать два Андрей Юрьевич хотел бы оставаться старшим следователем, каковым и являлся лет пять назад. Но загадочные перверсии государственного уровня раскололи высшую касту правоохранительной системы – органы прокуратуры – на два недружелюбных лагеря. Макагон оказался не в Следственном Комитете, а в изрядно подчищенном кадровой гребенкой и обделенном нужными уголовными делами огрызке надзорного органа. Поэтому заниматься привычным делом, то есть расследованием тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, желательно с окраской взяточничества Макагону, увы,

было не суждено. Жаль, у него это получалось виртуозно, составы бывали сложные, деликатные, а клиент шел непростой, по большей части – шерстяной.

Вздыхнув, Андрей Юрьевич отвернулся от окна и, обогнув выдавший виды сейф, подошел к письменному столу, служившим в кабинете чайным. На нем, заботливо покрытом паркетным линолеумом, стоял электрочайник, весь в грязных потеках и с неработающей откидной крышкой, а также веселенькая, в красных маках огромная «сиротская» кружка с отколотой ручкой. Ни Макагон, ни другой обитатель кабинета, отсутствовавшая сейчас Шарипова, не пользовались этими предметами. «Жуткие артефакты» на чайном столике Алия согласилась оставить только после убедительных объяснений Андрюши Макагона, сводившихся к тому, что «посетители должны видеть аскетизм слуг закона».

Папа Алии Шариповой, доктор наук, подвизался профессором на кафедре гражданского права местного государственного университета, год за годом втолковывая наиболее тупым представителям золотой молодежи прописные истины вроде отличий виндикационного иска от негаторного. Сама Алия, полненькая крашеная блондинка с чуть кривоватыми ногами, обликом и душевным устройством напоминала морскую свинку. Старательная, добрая, наивно-глуповатая Алия в своей жизни любила три вещи – Джонни Деппа, колготки цвета каппучино и боулинг. Ездила на работу в новеньком красном «БМВ» -купе и готовилась к получе-

нию очередного классного чина.

Андрей Юрьевич, в отличие от Шариповой, строил свою карьеру сам. Выпускник того же универа троечник Макагон оказался прирожденным психологом и сразу научился ладить с руководством. Начав работать в районной прокуратуре девять лет назад, он быстро усвоил тарифную сетку. Переквалификация с тяжкой статьи на статью средней тяжести – от десяти тысяч долларов для лохов и русских. Хачи, азе-ры, чечены и бандиты откатывали больше, иногда и по двадцатке, но тогда это был еще не его уровень. Или, допустим, избрание меры пресечения – подписка о невыезде вместо ареста. Тут, опять же, надлежало внимательно посмотреть на клиента: если обычный «баклан» – трояк. Мелкий ком-мерс и статья не мокрая – пятерку слупить можно. Если же чей сынок – так и больше не грех. Неплохо шли «отказные», но не по особо тяжким, конечно, – там замазаться легко, а сотрудник прокуратуры обязан в профессиональном отно-шении быть безукоризненно чистым. Основания для отказа в возбуждении уголовного дела находились играючи. Почти в каждом материале, поступавшем на рассмотрение, наличе-ствовали косяки, допущенные операми с «земли». То справ-ки какой нет, то в понятых возьмут своих же внештатников, то адрес выемки или обыска в протоколе перепутают, да ма-ло ли процессуальных нарушений!

Заносили за невзрачный листочек с надписью «постанов-ление об отказе в возбуждении уголовного дела» богато,

но в основном это была поляна районных прокуроров, сам Макагон за всю свою карьеру на отказных отжал только пару раз по пятнашке, да слетал разок в Мексику на две недели. Коронкой же Макагона являлось расследование дела по факту причинения смерти по неосторожности. Тогда пьяный замглавы районной администрации по фамилии Гудо на своем служебном внедорожнике сбил девочку пяти лет. В тот раз, прикинув все «за» и «против», Андрей Юрьевич решил, что дезавуировать показания немногочисленных свидетелей проще и дешевле, чем опротестовать заключение экспертизы о нахождении в крови Гудо алкоголя. В ту пору с докторами у Макогона еще не наладились рабочие отношения. А с автотехнической уже сложились, вот ее и подправили, да и с ГИБДД поработали. По тому давнему делу все происходило так, как и записано в уголовно-процессуальном кодексе. Следовательно, руководствуясь законом, совестью и внутренним убеждением переквалифицировал состав «убийство по неосторожности» на «неумышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Возбужденное в отношении неустановленного лица дело коснулось Гудо лишь как свидетеля, допрошенного по всем правилам, но деликатно. Как уж там Гудо договорился со своим водителем, Макагона не очень интересовало. Водила, обильно потея и заикаясь, пришел с узелком в прокуратуру и настоял на оформлении явки с повинной, каковой факт автоматически скостил ему две трети будущего срока.

В итоге следствие установило, что девочка переходила улицу на красный свет, страдала сильной близорукостью, а за рулем внедорожника находился вовсе не Гудо, а его водитель, уже дававший признательные показания и активно сотрудничающий со следствием. К тому же девочка скончалась не сразу на месте происшествия, а через несколько часов, в реанимации. В деле лежало заключение патологоанатома о том, что причиной смерти является остановка сердца. Это была чистейшая правда – искалеченный маленький организм не выдержал мучений и остановил моторчик.

Потом был суд и приглушенные слухи. Водителю были ниспосланы четыре условных года лишения свободы и однокомнатная квартира. Сам же Андрей получил участок в десять соток под жилищное строительство за городом, в лесной зоне, рядом с речкой. Получил законно, заплатив по три тысячи рублей за сотку аккуратно по кадастровой стоимости земли. По стечению обстоятельств соседний участок был куплен женой того федерального судьи, который рассматривал уголовное дело.

Присев к столу, Макагон машинально перебирал бумаги, размышляя о вечном, то есть о жизни, свободе и деньгах. В начале тысячелетия к настоящим, серьезным взяткам на уровне чиновников мэрии тогда еще рядового следователя и не допускали (расследование брала на себя область). Однако таким, как Андрей, обычным труженикам прокуратуры доставалось-таки изрядно дел по коррупции чиновни-

ков уровня районного. И тут профессионализм скромного следователя Макагона показывал себя во всей красе. Важно было и к ответственности кого-то привлечь, показывая стабильные результаты, и себя не обидеть, и вниманием двоюродных старших братьев, то есть ФСБ, сильно не злоупотреблять. И ведь получалось! А курочка, она, как известно, по зернышку... Теперь на этом элеваторе кто-то другой сидит. Да, хорошие были времена. Правильные. А сейчас тяжелые. Никакого стимула к работе нет. Вздохнув, Андрей Юрьевич, погрузился в изучение материалов прокурорской проверки. Посмотрим, что там у нас.

Жалоба на имя прокурора области, отписано нам в городскую, ну это понятно... Женщина сорока четырех лет, травма на остановке... Прилагается заключение из лечебного учреждения... Материалы от дознавателя и отдела полиции, в возбуждении отказано, доводы гражданки не нашли объективного подтверждения. Логично. Документы из трамвайно-троллейбусного управления, копии сертификатов ответственности на оборудование, акты проверки подвижного состава, все в порядке по ним вроде бы... Писулька от департамента благоустройства мэрии, ясно, они не при делах... Ответ из областного Минтранса... Эти вообще круглые глаза сделали. Что ж, дело рядовое, ясное. Током шибануло, вот и грохнулась тетка. Может, и бухая, никто не проверял. Граждане десятками проваливаются в открытые колодцы, на голову им падают балконы и сосульки, бездомные со-

баки кого-то кусают – живет город! Но почему такой ерундой надо заваливать прокуратуру? Макагон раздраженно оттолкнул от себя папку.

Слишком умный народ пошел, вместо того чтобы работать, все только и делают, что строчат жалобы. И ведь научились грамотно все обставлять! Тут тебе и экспертизы, и ушлые адвокаты, и фото-видеоматериалы, прямо хоть бери и весь аппарат мэрии и правительства сажай. Скоро за сломанный ноготь будут требовать миллион и отставки министра, не меньше. Развратили народ. Потребительский терроризм, вот что это такое. Нет, бери выше! Это угроза безопасности государства. Об этом, кстати, и прокурор области давал разъяснение на закрытой коллегии – количество материалов проверок, передаваемых в суд, и содержащих составы с крупными штрафными санкциями в отношении юридических лиц, являющихся органами исполнительной власти, необходимо уменьшить. В отношении же коммерческих структур – увеличивать. Бюджет надо наполнять, а не перекладывать из одного кармана в другой. Другое дело, если штрафануть не департамент или, скажем, министерство, а должностное лицо, пусть и высокопоставленное. Это не возбранялось, там и штрафы небольшие. Судьи, между прочим, тоже такое указание получили, а поэтому поступим так...

– Андрей, обедать идешь? – в дверь заглянул приятель и коллега, Вениамин Ростоманский.

– Попозже, материалом занимаюсь. У тебя как дела то, починил свою ласточку? – поднял взгляд Макагон.

Вениамин расплылся в довольной улыбке:

– Сегодня забираю из сервиса, и сразу на продажу.

На днях с Ростоманским приключился казус. Едучи из клуба по ночному Излучинску немножко пьяный, он вдребезги разбил об столб свою новенькую Audi Q7. Разбил чисто – пострадавших не было, даже ГИБДД не выезжало, а столб не в счет. Венечка и напугаться толком не успел, а ведь могли быть санкции. К слову сказать, новые дорогие иномарки у прокурорских считались моветоном и палевом. Но Вениамину было можно, у его жены два магазина (Венечка их крышевал), а тесть вот уже двадцать лет занимал пост председателя федерального суда Пугачевского района. Случайных людей в прокуратуре не держали. Солнечный Веня человек – слова худого от него не услышишь, всегда рад товарищам, общительный, только стучит на коллег прокурору и в ФСБ. Но это недостатком считать нельзя, все стучат. Специализировался юрист первого класса Ростоманский на выявлении незаконной игровой деятельности и махинациях с контрольно-кассовыми машинами.

– Купишь новую – обмоем? – Андрей вообще-то не пил совсем, но традиции блюсти надо. На них ведь все держится, на традициях, на преемственности.

– Так ты это... заходи к концу дня, я ведь уже. Ну, того... – виновато вытаращив глаза, громко прошептал Ростоманский

и притворил дверь.

Макагон хмыкнул (Венечка в своем репертуаре, денег у него – как у дурака фантиков) и продолжил изучение логической цепи собранного материала, изредка постукивая карандашом по столешнице. В возбуждении дела органом дознания обоснованно отказано, это есть факт. Нету там состава преступления, поскольку отсутствует прямой и даже косвенный умысел. Однако реагировать надо, ни одна жалоба граждан не должна остаться без внимания. С другой стороны – кого наказывать, мэрию? Или министра транспорта и автомобильных дорог? Да кто ж позволит? Это фигуры, на которые надо гавкать с иной, пока недоступной ему ступеньки, и уж точно не с таким материалом. А соблазнительно было бы их пощупать за теплое вымя... Да ладно, это мечты. Конкретно: что у нас говорят бумаги из ТТУ? Говорят они о том, что в ТТУ, по всей вероятности, имеется нарушение законодательства о транспортной безопасности. Не прямо говорят, но это само собой подразумевается. То есть мы имеем длящееся административное правонарушение, допускаемое неустановленным лицом. Или лицами.

Макагон перевернул листок и внимательно обследовал его чистую сторону. Там ничего не было. Что же придумать? А вот это (Андрей Юрьевич опять утвердительно пристукнул карандашом) пусть уже специальный надзорный орган разбирается, есть такой. Поступим, стало быть, так... Возбуждаемся по статье административного кодекса, как бишь

ее? «Нарушение правил эксплуатации автомобильного и наземного электрического транспорта», ага. Материалы передаем в Ространснадзор по подведомственности, а уж они чего-нибудь и накопают. Какой-нибудь план обеспечения безопасности с истекшим сроком найдется, или инструктаж водителей перед выездом не проводится, им виднее. Выпишут постановление и наложат штрафик тысяч в пять на главного механика, ему не привыкать. ТТУ обжалует постановление в суде (уже ученые), затем заболит представитель должностного лица, потом судья уйдет в отпуск, тут и сроки давности истекут. А гражданке мы отпишем все как положено: меры прокурорского реагирования приняты, виновные привлечены к установленной законом ответственности. *Dura lex sed lex!*

Макагон, придвинув к себе клавиатуру компьютера, быстро накидал текст, принтер загудел и выплюнул в лоток пару листочков с угловым штампом прокуратуры города.

Глава 6

Фамилию Нестерюка Наташа услышала впервые лет пять назад при обстоятельствах необычных и даже грязных. Тот год выдался хлопотным и суматошным: развод с Никитой, продажа старой и покупка новой квартиры, авралы на работе выжали Наталью как лимон, и ближе к лету она почувствовала, что нуждается в передышке. Затевать далекое путешествие в теплые страны не хотелось, да и перспектива ехать за рубеж в одиночку Наталью не прельщала. А тут как раз Ольга, Наташина младшая сестра, семейные отношения которой отличались непредсказуемыми девиациями, попросила побыть с Анечкой. Дескать, ей с мужем нужно сменить климат недельки на две, а присмотр за дочкой доверить некому. Наташа в племяннице души не чаяла, и Аня отвечала взаимностью – добрая, тихая, чуточку инфантильная девочка пятнадцати лет воспринимала тетю как старшую подругу и частенько предпочитала ее общество компании своих сверстников. Провести весь отпуск в душном городе Наташе не улыбалось, и решение пришло само собой. Так они с Анечкой и оказались в санатории имени Циолковского – осколке некогда огромной инфраструктуры, принадлежавшей ранее группе околокосмических предприятий.

Процветавший в прошлом тысячелетии санаторий – жемчужина областного здравоохранения – переживал не луч-

шие времена. Квалифицированные врачи разбежались кто куда, четыре из пяти лечебных модуля пустовали, средств на их функционирование не выделялось. Кое-как работала столовая, предлагая все еще сносное питание при совершенно необременительной стоимости, да теплилась жизнь в пятиэтажном жилом корпусе. Осталась природа – янтарные, истекающие смолой корабельные сосны, заросли малины, осмелевшие белки, бегающие прямо по растрескавшимся асфальтовым терренкурам, увитые плющом заброшенные беседки, чистенький пляж у маленькой быстрой речки. Наталья наслаждалась этим живописным запустением и солнечным безлюдьем санатория, и даже в скудных завтраках и обедах нашлась своя прелесть – чем не повод сбросить парочку лишних килограммов?

Соседями по этажу оказалась немолодая пара с дочерью Анжелой, сверстницей Анечки. Не по годам развитая («продвинутая», как Анечка ее охарактеризовала) Анжела, видимо, поздний ребенок, немного нервировала Наталью своей взбалмошностью, капризностью и неуважительным отношением к родителям. «Муссолини», – как-то вечером тихо произнесла Анечка (эрудиция и образное мышление Анечки частенько ставили Наталью в тупик), услышав крики Анжелы через три стены.

Однажды, уже на исходе второй недели отдыха, Наталья возвращалась с «тихой охоты», куда она выбралась после обеда в компании с задумчивым и сегодня чуточку печаль-

ным Андреем Виленовичем Атановым, отцом дуче. Этот человек, которому можно было дать изрядно за шестьдесят, чем-то походил на трезвого Михаила Ефремова и вызывал симпатию не столько своим обликом, весьма приятным, сколько терпеливым отношением к жизни и доброжелательным восприятием окружающего мира. Инженер по профессии, вот уже тридцать лет он преподавал в Техническом университете Излучинска на кафедре энергетики. Его сердечность, порядочность и трудолюбие показались Наталье такими же прирожденными, как цвет глаз или тембр голоса, что было недалеко от истины – родители инженера, ныне покойные, были из высланной в тридцатые в Казахстан ленинградской интеллигенцией.

Выяснилось, что круг интересов Андрея Виленовича (называть его хотелось обязательно по имени-отчеству) выходил далеко за пределы обязанностей отца, мужа и доцента провинциального вуза. Энциклопедические знания соседа оказались такими разносторонними, а стройность изложения мыслей настолько изящна и привлекательна, что эта, уже третья «грибная беседа», в очередной раз увлекла Наталью пугающей точностью выводов собеседника, на этот раз – относительно эволюции института социальной этики в России.

– Мои студенты – неглупые и добрые дети, – Андрей Виленович, присев, аккуратно приподнял ножичком листву, под которой показалась шляпка крепенького груздя. – Но по-

рою, беседа с ними, я ловлю себя на мысли, что их гражданское взросление, любезная Наталья Олеговна, никогда не закончится, если вообще начиналось. Что это, как не явные признаки деградации суперэтноса? А Москва, пожравшая уже несколько поколений молодежи? Не напоминает ли она вам классическое описание химеры с ярко выраженной отрицательной комплементарностью относительно России? Бог с ним, со звездным небом над головой, с ним разберутся астрономы. Но что прикажете делать с нравственным законом в душах наших детей?

– Вам не нравится современная молодежь? Кстати, отчего вы решили, что я читала Канта и Гумилева?

Хитро прищурившись, собеседник кинул короткий взгляд на свою спутницу и произнес:

– Читали. И осмысливали, это видно. Университетское образование, подкрепленное домашним, и не из последних – у вас в глазах светится. Кстати, разделять их точку зрения не требуется. Довольно того, что задумались, это редко сейчас встречается. Что же касается молодежи... Сами как думаете, есть у нее будущее?

Аккуратно обойдя муравейник, Наталья ответила, тщательно подобрав слова:

– Я уверена, что воспитание, можно сказать «вращивание» пассионарного ядра в нашей стране пресеклось последними десятилетиями (последовал грустно-одобрительный кивок Виленовича). С пассионарной индукцией покон-

чено, она умерла вместе с Лихачевым, Солженициным и Капицей. Но я верю в институт семьи, и вы, Андрей Виленович, мне кажется, тоже.

– Боюсь, что вы правы, – вздохнув, пожилой человек двинулся к опушке, машинально отводя прутиком паутину от лица. – Элите не нужна думающая молодежь. Элите нужна власть. Да и та – не для дел, которые прославят эту власть на века, а лишь для конвертации власти в материальные блага. Сама же элита – пигмеи, стоящие на плечах уже ушедших в небытие атлантов. А вот семья... Посмотрите, как причудливо растет папоротник!

– Да, красиво. Но – продолжайте!

– Так вот. Думаю, из тех, кому сейчас меньше тридцати, книгу в руки берет из сотни – один, хорошо, если двое. А остальные – планшет с новостями, твиттерами, фейсбуками, инстаграммами. Потому что модно. Эти девяносто восемь возвращены на Comedy Club или, прости господи, «Реальных пацанах», мыслят хэштэгами, а их идеал – Марк Цукерберг. Такая поддельная мультяшная жизнь вытесняет из головы что-то важное. Что-то, до чего можно дойти только своим умом, через настоящие трудности, но вернее всего – с помощью семьи. Несколько поколений семьи. А семей-то у нас и нет. Все норовят побыстрее от родителей уехать, и желательно в Европу. Этими, как их... Дауншифтерами и фрилансерами.

– Не сгущаете, Андрей Виленович? – за «Реальных паца-

нов» Наталья чуть обиделась, ей нравились эти парни «так-то с Перми».

– Увы, хотел бы ошибаться, но я же с ними разговариваю, стучусь внутрь. Стекланные глаза, пустые сердца. Да ведь и не злые они, нет. Добрые, но эта доброта сродни жалости пятилетнего ребенка к маленькому щенку. Никогда не дорастает она до гражданской позиции, до просвещенного великодушия гражданина державы, довольного своим трудом, жизнью, страной. Нет никакой державы. Есть сырьевая площадка. А, впрочем, ведь я и сам воспитатель никудышный, вы заметили. Вот и ворчу. Но меня хотя бы на это хватает. Быть может, для вас будет новостью, но многие преподаватели в высшей школе – совсем не ученые и не педагоги.

– Вот как? – Наталья удивилась такому повороту, – А кто же?

– А никто. Говорящие учебники, временщики – это в лучшем случае.

Охота, несмотря на беседу мрачноватой окраски, оказалась, тем не менее, удачной, и Наташа с удовольствием предвкушала, как она угостит Анечку грибным супчиком со сливками или отварной картошкой с жареными подберезовиками.

Через слегка заваленный бетонный забор санатория наблюдалось оживление на парковке и центральной аллее – микроавтобус, несколько дорогих авто, людская суета. Грибники без помех пробрались к себе в номера и занялись до-

бычей, но наслаждаться ею пришлось недолго. Уже к вечеру потянуло дымком от мангалов, ударил по ушам «Владимирский централ», бухнули залпы фейерверков и... началась вакханалия. Звенели разбитые бутылки, с пляжа доносился женский визг, затрещали двигатели квадроциклов. Немногочисленные санаторные обитатели, ошарашенные такими событиями, благоразумно воздержались от вечернего моциона, и только Анжела, не послушав совета своей сверстницы, отправилась «потусоваться» на сон грядущий.

– Ищет приключений на свою... задницу, – чуть запнувшись, прокомментировала такой поступок Анечка, удобно устроившись на диване с планшетом. – Там такое, Наташ... Прямо не санаторий, а вертеп какой-то.

– Слушай, Ань, надо бы пойти ее поискать. Вон, и Андрей Виленович куда-то припустил. Ты оставайся, а я пойду, – рассудила Наталья, натягивая кроссовки.

Все произошедшее потом слилось в воспоминаниях Натальи в плотный сгусток событий, напоминавший цветом кусок мокрого, дурно сваренного хозяйственного мыла, брошенного ненароком в грязную землю. В просторной столовой, где и происходила оргия, Наталья уже вбежала, а не вошла, услышав за секунду до этого хлесткий выстрел. Хруст стекла под ногами, мельтешение людей, запах разлитого спиртного, перевернутые столы – все это сознание отметило как факты незначительные, потому что в углу визжала Анжела, вырываясь из рук какого-то рослого мужичка кабанисто-

го вида, а на полу лежал с разбитым в кровь лицом Андрей Виленович. Его старательно и в то же время с ленцой бил ногами полноватый субъект, одетый хорошо и со вкусом. Белоснежная сорочка с одним спущенным венецианским манжетом, отутюженные брюки и дорогой галстук говорили о том, что этот тип появился в санатории прямо из присутствия или какого-то начальственного кабинета.

«А ведь мерзавец специально метит в голову», – машинально отметила Наталья пару вялых уже, завершающих ударов лакированной туфлей. Отвратительной смотрелась обыденность, деловитость избиения, все это походило не на пьяную драку, а на гражданскую казнь. Наталья вздрогнула, ухватив краем глаза выражение лица казнившего: улыбка его на тонких губах и оловянного цвета, почти без ресниц рыбы глаза с расширенными зрачками вызвали гадкое чувство, будто она только что наступила на жабу, и та лопнула с чавкающим болотным звуком.

Инцидент почти завершился. На шум уже сбегались повара, охрана санатория, властная тетка с административным голосом наводила порядок в гардеробе. Вспыхнувшее насилие утихло так же внезапно, как и началось. Анжела, почти пришедшая в себя, всхлипывала, разглядывая сломанный ноготь. Андрей Виленович (живой, слава богу) ойкнув, оперся на руку Натальи.

Рыбьеглазый, отряхивая на ходу капли вина с рукава, направился со своей компанией к выходу, видимо, проветрить-

ся, но остановился около поднявшегося с колен отца девушки. Мельком взглянув на Наталью – та вздрогнула, взгляд был нехороший, липкий и в то же время безразличный – ткнул пальцем в грудь пожилого человека:

– Праздник испортил, и на меня руку поднял. Ответишь, падла, – и, повернувшись на каблуках, ушел, уронив на пол комок мятых купюр.

– Что случилось, Андрей Виленович, вы можете рассказать? – Наталья была напугана не меньше Анжелы и не пыталась это скрыть.

– Уже все хорошо, Наташа, успокойтесь. Наша принцесса, – приводя себя в порядок, Атанов кивнул он в сторону дочери, – жива и, как видите, невредима. Пожалуй, она вела себя неосмотрительно, дала вот этой компании (кивок в сторону двери) повод подумать о себе гм... плохо и получила урок. Ваш покорный слуга успел вовремя, остался цел, но ему не помешала бы свинцовая примочка. Пойдемте отсюда.

Те давние события цвета гепатита отложились в памяти прочно, не сотрешь. Далекое не все детали оказались известны Наталье – все же родственником или близким другом семьи Атановых она не была. Однако и поверхностный анализ давал пищу для невеселых размышлений – присутствовали странности. Еще там, в санатории, испуганная главврач Вера Анатольевна, прибежавшая в номер к Атановым, сбивчиво объяснила, что рыбьеглазый – это Константин Викторович

Нестерюк, очень важный чиновник и новый владелец санатория, купленного за смешную, как потом выяснилось, сумму по результатам конкурса, проведенного правительством области. Приезжал же Нестерюк с благородной целью осмотра новых владений. Ну, и заодно отметить с компанией покупку.

– Вы уж войдите в наше положение, – руки у главврача, женщины явно предпенсионного возраста, подрагивали, – нам ни в коем случае нельзя вступать в конфликт с новым хозяином (Наташу передернуло от этого слова). Ведь у нас все на честном слове держится: и коллектив уязвимый, и санаторное хозяйство сложное, и лечебная база старая. Мы в долгах по уши, финансирования почти нет, сами кое-как выкарабкиваемся...

Говорила женщина долго и путано, но что-то в ней Наталье не понравилось, то ли взгляд ускользающий, то ли излишняя суетливость. Предложение главврача сводилось к тому, что и Атановы, и Наталья с Анечкой немедленно должны покинуть санаторий и не обращаться никуда с жалобами. А деньги за путевку им вернут, обязательно вернут через несколько дней. Предложение дурно пахло, вообще-то Наташа не желала оставлять произошедший грязный скандал без последствий. Но, в конце концов, не она являлась потерпевшей, ее никто не избивал, не пытался насиловать и даже не оскорблял словом, и получалось, что главную скрипку играют Атановы. А те почему-то согласились, и Наталья по-

дозревала, что сделано это было под влиянием супруги Андрея Виленовича, ну да бог ей судья. Так или иначе, оплаченные две недели всё равно подходили к концу, оставалось всего два дня. С премерзким ощущением унижения и испорченного отдыха Анечка и Наталья наскоро собрали вещи, скомкано попрощались с четой Атановых и уехали в город, домой.

А через два месяца, в середине осени позвонил Андрей Виленович, и голос его показался взволнованным:

– Наташа, нижайше вас прошу, приходите в суд, нам нужна поддержка. Сейчас я очень спешу, извините меня, записывайте адрес.

Конечно же, она пошла, неосмотрительно отпросившись с работы всего на два часа. Ни на какую работу вернуться не пришлось, это было попросту невозможно – inferнальная мрачность дальнейших событий не находила логического объяснения и выбила Наталью из колеи надолго. Выяснилось, что судили гражданина Атанова Андрея Виленовича за хулиганство, судили быстро и деловито. Суд установил, что Атанов грубо нарушил общественный порядок общественно опасным способом, то есть с применением оружия, а также нанес легкий вред здоровью гражданина Нестерюка. Оружием именовался травматический пистолет, изъятый уже на следующий день в присутствии администрации санатория. Как выяснилось, выстрелом из него был разбит дорогостоящий витраж. А Наталье казалось, что мутноватое

стекло времен Брежнева таких денег не стоило. Откуда интеллигентный пожилой Атанов изыскал злосчастный пистолет, суд не выяснял – видимо, недосуг.

Сам Нестерюк на суд не явился якобы по болезни, его интересы представлял адвокат Григорович – лощенный субъект неопределенного возраста с пушистыми ресницами педераста и грассирующим произношением. Свидетели, включая главврача, показали, что именно Атанов затеял драку. Об избивании самого Андрея Виленовича и попытке изнасилования дочери Атанова было сказано отдельно: «доводы подсудимого в ходе следствия не нашли фактического подтверждения». Наталью, которая не сразу разобралась в бубнящей скороговорке судьи, удалили из зала после того, как она подала голос в защиту подсудимого – свидетелем по делу ее не признали, посему судебный пристав аккуратно и вежливо выдворил ее на крыльцо здания. Атанова осудили на три года лишения свободы и взяли под стражу в зале суда.

– Понимаете, Наташа, ведь суд – это такое место, где у закона можно купить столько справедливости, на сколько тебе хватает денег. А денег у меня негусто, – голос Андрея Виленовича, чуть склонившегося к собеседнице, показался доверительным и спокойным. Они разговаривали на заднем дворе суда, куда обычно подъезжал автозак для конвоирования осужденных. Атанов выглядел плохо и был похож на новогоднюю елку, еле-еле дотянувшую до майских праздников. Конвойные, два молодых парня деревенского вида, сейчас

деликатно покуривали на крылечке, уместив автоматы между колен и предварительно сняв наручники с осужденного.

– Минут десять у вас есть, – сказал один из них, улыбнувшись, – прощайтесь и поедем. Попрошу ничего не передавать, все равно потом досмотрим.

Наталья испытала тогда парадоксальную симпатию к этим людям, проявившим толику сострадания к пожилому человеку. Ей пришла в голову мысль, что эти «внуки ГУЛАГа», повидавшие за свои неполные двадцать пять всякого и, в сущности, бывшие маленькими винтиками громадной машины российского правосудия, отважились нарушить инструкцию из каких-то необъяснимых для них самих побуждений. Наверное, харизма Андрея Виленовича оказывала благотворное влияние на всех окружающих.

– Почему так получилось, почему вы не боролись, Андрей? Нет, не так, что я говорю. Что теперь с вами будет? – голос Натальи дрожал, но, скорее, от возмущения, а не от слез.

– Почему получилось? Это сложно объяснить, а еще сложнее понять. Видите ли, супруга моя – человек верный, любящий, но боится всех и вся. Для нее до сей поры государство и все его институции, даже весьма сомнительной репутации, дадены «от бога» и авторитет имеют непререкаемый, спорить с ними, а тем более судиться – немислимое дело. А Анжела... Анжела ребенок. Мы постарались не травмировать ее тяжбами и разбирательствами, ведь она не пострадала

ла, по крайней мере, физически, стало быть и доказать что-то невозможно. Про себя же я скажу, что нечто такое должно было со мною произойти рано или поздно. Да вы не переживайте так, Наташа, уже через год буду на свободе, а там (он неопределенно махнул рукой в сторону высоченной липы, стоящей во дворе суда) – там буду преподавать, да, представьте, и с превеликим удовольствием.

Стали прощаться. Наташа неуклюже протянула руку, но Атанов, улыбнувшись, вдруг приобнял ее и тихо произнес:

– Знаете... Ведь мы разучились делать простые вещи. Любить, сострадать, ненавидеть и сражаться. Надеюсь, мы еще увидимся, Наташа. Но на всякий случай – не поминайте лихом.

Атанов вышел на свободу полтора года спустя, но не звонил, и больше они не встречались. Через каких-то знакомых Наталья знала, что в институт он более не вернулся, дорога туда ему, как ранее судимому, была заказана. Не так давно, пролистывая совершенно случайно попавшую ей в руки еженедельную газету «Вестник Излучинска», Наталья наткнулась на некролог. Любимый студентами преподаватель, изобретатель, автор множества научных работ, обладатель двух научных степеней Атанов скоропостижно скончался в возрасте семидесяти трех лет.

Оказалось, что те самые события пятилетней давности все это время тяжелым скользким камнем лежали на дне Ната-

шиной памяти. В палате ракового корпуса она вдруг поняла, что обязана Атанову очень многим. Удивительным образом Андрею Виленовичу за несколько июльских дней удалось нечаянно и легко укоренить в ее сознании потребность жить в таком обществе, законы которого опираются на нравственность, а мироустройство упорядочено естественными для каждого честного человека и гражданина правилами.

А ведь Нестерюк ей встретился в канун Нового года – она заезжала на губернский рынок прикупить кое-какой снеди к праздникам. Уже тогда болезнь брала свое, чувствовала себя Наташа отвратительно, однако автомобилем, маленьким «судзуки», управлять была еще в состоянии. На «Губернском», в комфортабельных кондиционированных рядах, среди блистающих хромом и стеклом прилавков министр в сопровождении водителя обходил ряды, набирая деликатесы. Демократично кивая знакомым торговцам, но себя не роняя, Нестерюк время от времени вынимал руку из кармана кашемирового тренча HERITAGE от Burberry цвета меда и принимал от продавца на пробу ломтик копченой осетрины, тонкий листочек постромы или ложечку икорки. Водитель, нагруженный двумя огромными бумажными пакетами, топал в кильватере шефа. Гаденыш забурел и превратился в местечкового царька. Выходя из здания рынка, она успела заметить, как этот патриций сел в предупредительно открытую водителем дверь черной БМВ представительского класса с приметным номером «005» и сочетанием

букв, означавшим принадлежность к гаражу правительства области.

Странно, почему все эти воспоминания нахлынули именно сейчас? Наташа даже привстала на подушках, прислушиваясь к себе. Была ли причиной этого просветления необычная и, очень хочется верить, благотворная травма, «включившая» вдруг умиравшие области мозга, или отсутствие постоянных изматывающих болей, позволивших спокойно подумать о жизни – кто знает?

Наталью не оставляло предчувствие того, что скоро, совсем скоро с ней произойдет нечто необычное. И это случилось в конце первой недели после «троллейбусного приключения». Наталья лежала с закрытыми глазами, но не спала, с удивлением понимая, что пытается думать о множестве вещей сразу. В голову приходили мысли о сестре и ее дочери, о работе, пусть не любимой, но привычной, о тревожных и радостных перспективах возможного (пусть будет пока «возможного») выздоровления, о не очень приятных лечебных процедурах и лекарствах, которыми ее пичкали, о немногочисленных друзьях, о бывшем муже, об Атанове. Мозг работал не просто хорошо, а горячечно быстро, буквально пожирая информацию, как пожирает пищу молодая, здоровая и не кормленная три дня овчарка. А если пищи не хватало, то мозг добирал недостающее из глубин подсознания.

Раздался звук дверной защелки – в палату к Наталье про-

тиснулась запыхавшаяся женщина лет пятидесяти, одетая в подозрительную мохеровую кофту с какими-то оленями. «Фальц-Фейн, адвокат», – память мгновенно предоставила и фамилию посетительницы, и тот эпизод в приемном покое, когда через час после травмы, пребывая в состоянии шока Наталья не глядя подмахнула доверенность на представление своих интересов. Адвокат оказалась цвета какао, куда по недосмотру плеснули кефира вместо молока – какая-то рыхлая, пятнистая и не вызывающая желаний сойтись поближе.

– Как вы себя чувствуете? – Фальц-Фейн, избегая смотреть в глаза, перебирала бумажки в неопрятной толстой папке.

– Спасибо, плохо, очень устаю. Что вы хотите? – по какой-то причине Наталье не хотелось делиться сокровенным ни с кем, а тем более с этой мохеровой оленихой.

– У нас с вами есть новости. Негативные. Результаты рассмотрения вашей жалобы я получила из всех инстанций. В возбуждении уголовного дела отказано. Для обращения в суд у нас доказательств также практически нет, так как имеются материалы об исправности троллейбуса. Кроме того, свидетели в один голос утверждают, что вы упали, уже выйдя из салона. Не хочу вас утомлять, но дело не имеет нужных нам перспектив.

– Перспектив? – больная, наконец, приоткрыла глаза и уставилась на присевшую рядом собеседницу. – Что кон-

кретно вы подразумеваете?

– Нам не удастся получить возмещение вреда здоровью и возмещение морального вреда, – затараторила адвокат, – видите ли, практика сбора доказательственной базы и дальнейшего рассмотрения подобных случаев...

– Стоп, стоп, Марина Сергеевна, – Наталья удивилась тому, что откуда выплыло имя и отчество адвоката, ведь еще пять минут назад она и не помнила о ней, – давайте покороче. Я хотела не денег, а наказания виновных. Что вы можете сказать при такой постановке вопроса?

– Собственно... – адвокат суетливо подвигала ногами, полиэтиленовые бахилы неприятно зашуршали, – вопрос вы ставите необычно. Я полагала, что именно деньги...

– Нет. Полагали неправильно. Я умираю, – произнеся эти слова, Наталья ощутила, как сердце пропустило удар. – Да, я умираю, и никакие деньги меня не спасут. Я хочу справедливости, то есть наказания виновных, и как можно скорее. Если это невозможно, я более не задерживаю вас. Доверенность я отзываю немедленно, о чем уведомляю вас в устной форме.

– Не волнуйтесь, это вредно, – в голосе адвоката слышался оттенок раздражения. По-прежнему глядя куда-то чуть мимо глаз Натальи, Фальц-Фейн поднялась, так и не показав бумаги. – Всего хорошего, выздоравливайте.

Вот ведь как все паршиво! Впрочем, такого развития событий следовало ожидать. Наталья никогда не питала на-

дежд относительно желания государства защитить простого обывателя, и роль адвоката, хорошего или вот такого бездарного, ничего не меняет в сюжете этой пьесы. В сущности, огромная бюрократическая машина работает сама на себя, а не на граждан. Любые государственные бюрократические институты в этой стране, будь то полиция, прокуратура, разнообразные правительства, министерства, администрации, – суть самовоспроизводящиеся организмы, стремящиеся к максимальной независимости от общества и его отдельных представителей. Миллионы рядовых чиновников, вчерашних троечников, неудачников или просто заблудившихся людей, чье благополучное существование зависит от преданности начальнику и безоговорочной веры в инструкцию, – суть «разумные молекулы бюрократии», образующие питательный бульон для рождения и развития высших организмов. Таких, как Нестерюк, например.

«Умойся, Сапарова, не ты первая в этой стране, об кого вытерли ноги. Или чего похуже», – Наталья с удовлетворением осознала, что констатация этого унижительного факта пробудила здоровую злость, а не чувство безысходности.

Когда-то давно, еще в детстве, она занималась в школе пятиборья. Больших успехов не достигла, продвинувшись только до первого разряда. Класе в девятом это было. Конкур, бег и стрельба были интересны, но удовольствия не приносили, плавание оказалось просто приятным, а вот фехтование она полюбила безумно! Там, на боевой дорожке, с тяже-

лой шпагой в руке, облаченная в токопроводящий нагрудник и пристегнутая кабелем к электрофиксатору, она впервые почувствовала этот вид злости: адреналин столовыми ложками вбрасывался в кровь, радостный азарт удваивал силы, и не существовало никого на свете, кроме противника и его клинка. Сочные, терпкие, рубиновые воспоминания...

Правая рука рефлекторно дернулась, нанося воображаемый укол, инъекционная игла выскользнула из вены. Булькнула жидкость в резервуаре, капелька крови выступила на сгибе локтя. Наталья улыбнулась, переворачиваясь на бок, и отчетливо прошептала, закрывая глаза: «Я сама тебя накажу».

Глава 7

– Ксюша, душа моя, билеты на «Сапсан» закажите мне на вторую половину дня, а гостиницу – недалеко от университета, хорошо? Конечно на Васильевском... Нет, нет, только на сутки, а обратно самолетом. Спасибо, дорогая, – голос жизнерадостного высокого мужчины лет шестидесяти разносился по просторной рекреации университетского корпуса. Сейчас Максим Николаевич направлялся на одну из своих лекций в Академии экономики Излучинска, объясняя по телефону секретарю фирмы детали своей командировки. Командировка предполагалась коротенькая, но творческая – предстояло обсудить с руководством одного из ленинградских вузов (Максим Николаевич, чуточку фрондер, упорно называл город на Неве Ленинградом) стоимость и перспективы внедрения интеллектуальной системы управления образовательным процессом и учебным контентом.

Кандидат технических наук и обладатель степени PhD, полученной ненароком в девяностых в одном из американских университетов Максим Николаевич Лазарев единолично владел небольшой IT компанией, результативно эксплуатируя небольшую нишу специфического программного продукта. Дела были налажены так, что участие Лазарева в бизнесе ограничивалось редкими переговорами по вопросам сугубо стратегическим, но погружаться в детали разрабо-

ток и вносить в них изюминку Лазареву нравилось. Вовсе не нужда в деньгах (которых хватало, и вполне), а постоянный информационный голод, потребность в чем-то новом побуждали Максима Николаевича развивать кипучую деятельность в том возрасте, когда, казалось бы, настает пора уgomониться и заняться грядками на даче. Не являясь крупным ученым (да что там, не являясь ученым вообще), Максим Николаевич, тем не менее, обладал острым умом, развитой интуицией и талантом аналитика, и все эти качества нуждались в постоянной интеллектуальной подкормке. А еще Лазарев любил общаться, любил молодежь, поэтому и преподавал в трех университетах, что давало ему чувство причастности к воспитанию нового поколения – ведь своих детей у него не было, несмотря на уже третий брак. Увы, так уж сложилось.

Максим Николаевич давно подозревал, что с его первой женой, Натахой Сапаровой, супругой переставшей быть в незапамятные времена, но оставшейся близким человеком что-то не так. Она выглядела странно, говорила странно, она... потускнела. И вот не так давно (черт бы побрал ее деликатность) Наталья открылась, рассказала ему о своей болезни. Что с этим делать, Лазарев не знал, да и возможно ли? Сегодня он шел к ней в больничку: уж это происшествие с троллейбусом она скрывать почему-то не стала, позвонила ему одному из первых. В сущности, у нее и не было никого – родители умерли давно, остались только он, пара

подружек да Анька. Хорошая девка, кстати, добрая, неглупая. Как славно, что удалось ее пристроить в Силезский университет в Опаве.

В размышлениях обо всем этом Лазарев припарковался на обширной площадке онкологического корпуса свой «Дискавери», нагрузился традиционным пакетом с фруктами и, зажав подмышкой букет колючих чайных роз (Наткины любимые), пружинистым шагом направился в один из трех корпусов. По дороге он попытался переключиться на оптимистический настрой, даже начал насвистывать что-то, но, наткнувшись на мрачный взгляд мужчины с противоестественно толстым перебинтованным горлом, с облегчением отбросил фальшивую веселость.

Через десять минут Лазарев и Наталья сидели в просторном холле. Кремовый керамогранит на полу, чуть зеленоватые оштукатуренные стены, скрытое освещение в потолочных нишах, мягкие кресла и двухместные диванчики, жардиньерки с ухоженными разлапистыми растениями (пожалуй, что и натуральными), большая жидкокристаллическая панель, беззвучно транслирующая новостной канал. Выглядело все спокойно и, тем не менее, вызывало ощущение обреченности.

– Мы будем бороться. Мы должны бороться, Натаха! Давай найдем хороших врачей – Израиль, Германия, Швейцария, ну... я не знаю, давай же делать что-нибудь! Ведь сидеть просто так – глупо и жестоко. Почему ты молчишь? – Ла-

зарев, исчерпав свой небогатый запас аргументов, перешел к эмоциональному воздействию.

– Макс, послушай, – Наташа чуть запнулась, разглядывая трехцветную молодую кошечку, теревшуюся об уютно гудевший в углу кулер. Откуда здесь кошка? Не должно быть, но ведь успокаивает. оперев подбородок на сжатые кулачки, Наташа продолжила: – обстоятельства несколько изменились. Я рада, поверь мне, очень рада твоему участию. Знаешь... Ведь у меня и нет никого, кроме тебя. В смысле – никого, кому я могла бы довериться.

Лазарев растеряно передернул плечом:

– О чем ты? Что изменилось и, главное, – что может быть важнее твоей жизни? Извини, но я так ставлю вопрос.

– Подожди, не перебивай! Мне тоже безразлична жизнь. Видишь ли, если болезнь будет развиваться и дальше, то я обречена, причем в самые короткие сроки. Несколько месяцев, максимум год. И лечение бесполезно.

– Если? Рассказывай же!

– Так я и говорю. Это сложно объяснить, я и сама не понимаю, в чем тут дело. В общем, я поправляюсь. Так говорит Кельман, ну ты знаешь, о ком я, он мой доктор. Ничего еще точно неизвестно, но по всем признакам это не ремиссия, а выздоровление.

– Так это же здорово! – Максим Николаевич вскочил и, нервно потирая руки, совершил два рейда до дивана напротив и обратно. – Вот что! Тебе нужен покой. Да! Нет... Ко-

гда тебя выписывают? Подожди, это так неожиданно. Послушай, сколько тебе здесь еще оставаться? Давай на море? Ах да... Там солнце, инсоляция, это все вредно. Давай в санаторий? В хороший санаторий? Я все устрою, оплачу, отвезу. Гос-споди, Натаха, черт тебя дерит, ты так меня напугала!

Наташа откинулась на спинку и с блуждающей улыбкой разглядывала размахивающего руками бывшего мужа. Ему шла аура чепрачного цвета, как у шерсти породистой немецкой овчарки. Насколько же он был несерьезным когда-то! Но всегда, всегда этот добрый клоун, заботливый кавалер, отличный собутыльник и душа компании, любитель выпить (нечасто, но со вкусом), балагур и немножко повеса Макс оставался надежный и преданным другом. А вот как муж – отстой... Да и не мог он быть хорошим мужем, ни для нее, ни для какой-то другой. Так он устроен. Что ж, наверное, в этой жизни я заслужила только друга, но не супруга... подпруга, натуга, севрюга, хапуга... стоп! Дурочка, у тебя что, в голове включилось Т-девятка? Все, все, хватит.

– Макс! – Наталья хлопнула в ладоши, привлекая внимание Лазарева. Пожалуй, в этих стенах делать такого не следовало: пожилая женщина, сидящая поодаль, вздрогнула и с грохотом уронила на пол костыли, – Максим! Нервы у меня совсем истрепались, и их нужно беречь. Успокойся и ты, на нас уже смотрят. Сядь, пожалуйста, и послушай меня. У меня есть план, и ты можешь мне помочь.

– Да, да, конечно, Натаха, – Максим Николаевич с готов-

ностью присел рядом, схватив руку бывшей жены, – говори, я все сделаю.

– Итак. Я пробуду здесь еще неделю. Навещать меня не нужно, я же вижу, что тебе здесь неуютно. Тебя буквально корежит от этого всего, – Наталья махнула рукой в направлении процедурной сестры, аккуратно катившей тележку с позвякивающими капельницами. – Еще несколько недель я должна здесь пробыть, обещала Борису Марковичу. Знаешь, анализы, исследования, все такое. Потом я хочу уехать.

– Отличный план!

– Это еще не план, а только подготовка, – медленно проговорила Наталья, глядя в глаза бывшему мужу. – Привезешь мне ноутбук, завтра же. Новый, самый мощный, с выходом в Интернет. Приедешь вместе с нотариусом, оформим на тебя доверенность на продажу моей машины. Продашь ее как можно быстрее, деньги пока оставишь себе, они скоро мне пригодятся. Пока все понятно?

– Мон шер, а что ты задумала? – ошарашенный Лазарев, казалось, даже развеселился. – Я и так для тебя все сделаю, на что тебе деньги?

– Максим, любезный мой друг, во-первых, я не хочу твоих денег, – «твоих» прозвучало несколько обидно. – Мы же об этом говорили давно и решили все окончательно, помнишь?

Виновато кивнув, Лазарев поскутнел. Да, такой разговор

имел место, и тогда Наташа проявила непреклонность: только дружба и никаких вспомоществований, напоминающих алименты. Со временем оказалось, что она была права. Лазарев тогда еще удивился, насколько его жена может быть так устойчиво тверда к воздействию разъедающих самооценку женщины семейных катаклизмов. В этом смысле ее характер демонстрировал характеристики титановых лопаток турбины ракетносителя! И в то же время Наташа всегда оставалась доброжелательной.

– Во-вторых, – дожимала Наталья, – мне нужно много денег, у тебя все равно столько нет. Кредит мне не дадут, скорее всего, уже никогда – в банках сидят не дураки, чтобы хоть рубль одолжить больной с таким диагнозом.

– Постой, но ты только что сказала...

– Сказала, но откуда они знают, что у меня изменились планы насчет своего пребывания на этом свете? У них базы, Макс, и в этих базах я навечно внесена в «блэк-лист», даже если доживу до ста лет. Где они берут сведения – понятия не имею, но я заметила, что за последние три месяца мне не поступил ни один звонок или сообщение с предложением о кредите. Хорошенькая статистика? – нервно хихикнув, Наталья подмигнула.

– Наташа, – Лазарев не усидел на месте, вскочил и принялся шарить по карманам в поисках сигарет. Он курил до сих пор, хотя и редко. Опомнившись, раздраженно встряхнул головой и наставил указательный палец на Наталью. – Ты изме-

нилась, и весьма. Знаешь, это не предмет для шуток. Ты меня пугаешь. Ладно, продолжай, сколько же тебе надо? И за чем, позволь узнать? Может быть я все же...

– Ты – нет. Я у тебя не возьму. Ни у кого не возьму. Мне нужно пятьдесят тысяч евро, на первое время. Зачем – расскажу потом, обязательно расскажу. Привезешь мне доверенного риэлтора, я знаю, у тебя имеется неглупый и почти честный. Пусть продаст мою квартиру, но только быстро. Возможно, и даже наверняка квартира стоит больше, но времени у меня нет.

– Ну что ж, теперь я вижу, что травмы головы не проходят бесследно.

Наталья поморщилась. Несмотря на свое рафинированное воспитание и любовь к английской поэзии девятнадцатого века, причем в оригинале, Лазарев питал пристрастие к неуклюжим остротам, пахивающим кабаком. Дурак. Ладно, придется ему объяснить. Конечно, не все, далеко не все, но держать в неведении совсем уж подленько.

– Уговорил. Тогда внимай, мой первый друг, мой друг бесценный, – Наташа улыбнулась, увидев, как растерянно моргнул Макс, отвыкший от ее любви к Александру Сергеевичу. – Я всю жизнь жила для кого-то. Для тебя, для Аньки... Для работы еще этой дурацкой, что уж совсем бессмысленно и неудобоваримо, и теперь я это понимаю. Наверное, то, что я скажу, прозвучит эгоистично, но для меня нет ничего важнее моей жизни. Не знаю, сколько мне осталось, но у меня

больше нет желания пускать пузыри в этом болоте. Я стала другая, наверное, ты заметил. Я хочу пожить для себя и так, как мне нравится. В общем... для этого мне надо купить ресторан во Вьетнаме.

Коготок эфемерной сущности, которую иногда называют совестью, не больно царапнул Наташино сердце. Ресторан во Вьетнаме был, конечно, полной ерундой, в которую Лазарев, очевидно, и не поверил, но из врожденной деликатности до правды докапываться не стал. Он просто закашлялся, ошалело тряс головой. Наташа и раньше была непредсказуемым субъектом, но в этот раз! Впрочем, ни капли сомнений в том, что она сделает так, как сказала, у Лазарева не осталось.

– И вот еще что, – Наталья осторожно коснулась руки Макса, – мне нужно подыскать человека для того, чтобы это все оформить. Придется ездить за рубеж, конечно, это все будет оплачено. Наверняка у тебя кто-то есть на примете? Он должен знать пару языков, разбираться в европейском корпоративном праве, обладать юридическим образованием. Хм, наверное, еще и экономическим. А еще я должна ему доверять. Это должен быть очень, очень надежный человек. Есть такой?

– Что ж... Раз ты все решила, мне ничего иного не остается, как принять твой план действий. Касательно твоей просьбы. С Алексеем Кудриным, Виктором Геращенко и Евгением Ясиным я не знаком, – Максим Николаевич все еще

пребывал в растерянности и не скрывал язвительной обиды. – Лифшиц тебя устроит? Помнишь Лифшица? Ну, конечно же, помнишь. Семен Авраамович сейчас в Дюссельдорфе обретается, что-то связанное с протезированием и ортопедией. То ли импланты делает, то ли еще каких-то франкенштейнов. В Излучинске не бывает, но бывает в Москве, притом частенько. Позвоню ему.

Глава 8

В крошечном городке Рио-Сан-Хуан провинции Мария-Тринидад-Санчес, что в Доминиканской республике, стоял теплый тропический вечер.

Мирослав набулькал себе в стаканчик еще немного сока гранадиллы и откинулся в плетеном кресле, наблюдая восхитительный тропический закат. Апельсиновый шар солнца плавно и быстро, как обычно и бывает в этих широтах, погружался в воды Карибского моря. Терракотовая плитка обширной террасы приятно согревала голые ступни, а вот морской бриз освежал. Пожалуй, плюс двадцать шесть, мысленно прикинул Мирослав, не май месяц, однако. Март! Здесь, в Доминикане он совсем отвык от холода, да и от одежды, кроме льняных шорт, хлопковых футболок и обязательной бейсболки. И привыкать обратно не хочется.

Покосившись на початую бутылку рома Brugal, Мирослав решил, что сегодня он к Мишель не поедет. Девочка она хорошая, красивая и даже где-то умная, но иногда утомляет своим креольским темпераментом и чудовищным суржигом, мало похожим на чистый континентальный испанский. А ведь иногда хочется поговорить или хотя бы подумать с кем-то на одном языке. Решено, Мишка потерпит, а вот это письмо...

В свои двадцать девять Мирослав Берков имел пятна-

дцатилетний хакерский стаж. В конце девяностых в Екатеринбурге клонировал сотовые телефоны стандарта AMPS и по дурости продавал знакомым за тысячу долларов трубки с «неограниченным лимитом». Чудом выскочил из цепких лап шустрых пареньков из отдела «К»: малолетку привлекать не стали, отобрали деньги, дали пинка – всего и делов. С помощью сканнеров IP-адресов добывал информацию из «расшаренных» ресурсов кое-каких компаний – тогда всех очень интересовал алюминий, но в этом возрасте трудно найти стоящих клиентов. Потом баловался со скиммерами, даже сам изготовил несколько, но довольно быстро прекратил: все банкоматы стали оснащать видеокамерами. Попробовал и «белый пластик» – китайские умельцы через Эстонию доставляли пластиковые карты в Россию, оставалось только их «прописать», внося данные о лимите, подлежащем обналичиванию.

С картами не пошло – одновременно и активно заволновались службы безопасности эмитентов и эквайеров. А с этими волками Мирослав предпочитал дела не иметь, отобьют почки, и никаких Гаагских конвенций. Приятель Гоша вообще «присел» через эти карты на два года, но сам виноват, дурачок – «ливанская петля» вообще для тупых, и не хакерство это, а просто воровство. Была и продажа интернета за «полцены», и переговорные пункты для вьетнамцев из медицинского института, благо «сесть на линию» можно было в любом подъезде. Хлебное оказалось дело, но студенты из Вьет-

нама – звери, да и наркота вокруг них крутилась постоянно, а это запахло. Великолепно стартовало дело с декодированием автосигнализаций – Мирослав научился мастырить «на коленке» отличные кодграбберы, сначала простенькие, а затем с замещением динамического кода. Уходили эти девайсы по две тысячи зеленому. Продержалась негодия год, и тогда впервые удалось пощупать настоящие деньги – Мирослав купил квартиру, маленькую, но свою. Потом в бизнес пришли кавказцы, да и сканнеров из Китая стало навалом – ремесло утратило интеллектуальную привлекательность, превратившись в банальную кражу.

Неплохо пошла тема с игровыми аппаратами, точнее, с их программированием. В зависимости от жадности заказчиков, то есть хозяев игровых салонов, Мирослав «взламывал» запоминающее устройство автоматов и самопальным программатором заставлял аппарат снижать сумму выигрышей до тридцати, а иногда и десяти процентов от оборота. Специализация обещала быть востребованной, но потом салоны начала крышевать прокуратура, и, как обычно в этом случае, налаженный бизнес развалился.

Золотым дном оказалось фальсификация данных фискальной памяти контрольно-кассовых машин – время для налогоплательщиков, работающих с розницей и кэшем было нелегкое. Показатели выручки удавалось снизить в два-три раза, во столько же уменьшались налоги торговцев. А торговцев тех было немало. Каждый «отстегивал» до пятнадцат-

ти процентов укрытых от налогов денег. Этим бизнесом заправлял недоучившийся в институте предприниматель, с которым Берков познакомился случайно, в кабаке. Сотрудничество длилось полтора года, и Мирослав не остался внакладе – поменял квартиру на «двушку» и купил совершенно новую «тойоту короллу». Потом государство смекнуло что к чему, память кассовых аппаратов стали защищать стойкими криптоалгоритмами, а все модели подвергать сертификации и вносить в госреестр – лавочка закрылась.

Все же на третьем курсе универа Мирослав осознал, что будущего у этих подростковых увлечений нет, и потому вплотную занялся изучением языков неструктурированных запросов, систем управления базами данных, какое-то время поработал разработчиком простых, а затем и более сложных приложений, попробовал на вкус карьеру тестировщика. Удовлетворяя природное любопытство и пробуя силы, строил по заказу бот-сети и продавал их, с помощью D-DOS атак обвалил пару десятков сайтов, конечно же, не случайных и за неплохие деньги. Сильно увлекся CISCO, до сертификации CCNP Security дошло – уровень очень, очень суровый, пожалуй, в Е-бурге таких людей по пальцам пересчитать можно. На том и выехал в универе – проректор лично пообещал диплом, если Берков проведет серию ликбезовских лекций для аспирантов и преподавателей некоторых кафедр.

Учеба в университете оказалась ожидаемо бестолковой

и бесполезной, название специальности «Организация и технология защиты информации» нисколько не отражала потребности рынка ни в организации, ни в технологиях этой самой защиты. После того, как седой, вечно кашляющий доцент Востряков, перешагнувший пенсионный возраст еще в прошлом тысячелетии и читавший последние двадцать лет курс антенно-фидерных устройств принялся по бумажке излагать теорию побочных электромагнитных излучений и наводок, Мирослав перестал ходить почти на все лекции. Но универ он решил все же не бросать. Отчим, дядька с принципами, дай бог ему здоровья, вбил в голову этот рудимент советского еще менталитета: без высшего образования в этой стране чувствуешь себя инородным элементом, словно расконвоированный зэк в кирзовых сапогах и ватнике на паркете Эрмитажа.

Уже с дипломом в кармане Мирослав сподобился поработать на капиталистов по штучным контрактам, и представление о своем будущем как фрилансера для специфических и порою масштабных задач окончательно сформировалось. Мирослав превратился в самостоятельную боевую единицу, способную выполнять функции разработчика, архитектора, тестировщика закрытых операционных платформ, всевозможных сетей, приложений. Частенько консультировал, в том числе и по линии оценки квалификации персонала. Жемчужинами были заказы, предусматривающие роль супервизора какого-либо локального сегмен-

та большого IT-проекта. В этих случаях господин Berkoff, уже имевший репутацию у Cisco Systems, Siemens AG, Citrix Systems и Juniper Networks распределял узкий функционал между исполнителями, которых сам же тщательно подбирал и отсеивал последние пять лет. Руководить было не в пример выгоднее, нежели отвечать только за себя, но хлопотнее – популяция безответственных дебилов множилась в геометрической прогрессии.

Околокриминальных заказов он теперь избегал, но иногда для «души» брался за них – исключительно в тех случаях, когда доверял заказчику. В юном еще возрасте обстоятельства научили осторожности, да и шестое чувство иногда посылало сигналы. Правда, интуиция порой запаздывала, начиная вопить уже после драки. Мирослав подозревал, что это происходит тогда, когда против него играют профессионально, то есть играет государство.

Последний такой эпизод произошел в непальском аэропорту Трибхуван, откуда он раз в полгода летал в Россию, вроде как в отпуск. То был период, когда еще бродила в голове жажда экзотики, а ничтожная себестоимость проживания в пригороде Катманду играла не последнюю роль. Справедливости ради стоило признать, что обнаруженный Мирославом в нескольких километрах от своего жилища лепрозорий, битком набитый больными проказой, оказался отличным отрезвляющим средством, после чего ценник за жилье уже не казался таким соблазнительным.

Ром лишним сейчас не будет, пришел к закономерному выводу Мирослав и, с удовольствием шлепая босыми ногами, направился к столику с напитками. Дистиллят из тростника оказался теплым, пара кубиков льда и охлажденная кола поправили положение. Надо бы отдать в починку доску для серфинга, кое-где лак потрескался. Мирослав задумчиво поскреб ногтем поверхность – доска старая, но еще послужит. Новая, фирменная обойдется уж очень дорого, да сезон-то пока и не начался? Значит, маньяна! Стоит лишь несколько раз попробовать не откладывать на завтра то, что можно сделать послезавтра, как это начинает входить в привычку. Облокотившись о поручни, Мирослав плюнул в заросли цезальпинии, растущей внизу. Критически осмотрел результат и... плюнул еще разок, для страховки.

Тогда, в Трибухване, таможенник вместо вежливого кивка, который обычно сопровождал протянутый хозяину паспорт вдруг сделал «козью рожу», а документ аккуратненько положил куда-то под стойку досмотра, кивнув на одну из дверей в таможенной зоне аэропорта. За Мирославом не числилось, да и числиться не могло никаких грехов тяжелее «косячка» раз в неделю. Никакого оружия или, упаси господи, наркотиков. Интуиция подсказывала ему, что дело не в этих популярных среди местного люда шалостях. В комнатке (стол, четыре стула, кондиционер, кулер с водой) двое белых, европейского вида мужчин уже поджидали его. Черные брюки, светлые сорочки, голубые галстуки,

ни о чем не говорящие бейджи. Здравствуйте, господин Беркофф. Нет, нет, чистая формальность, никаких претензий, господин Беркофф. Вот наши визитки. Да, именно ФБР. А это мой коллега из подразделения С-3 Таможенной службы США, иногда мы работаем вместе.

Те памятные полчаса прошли в непринужденной и почти приятельской беседе. На Мирослава ничего не было, это ясно. Немаленький анклав белорусских, украинских и российских программистов, живущих и работающих в Непале, таких же фрилансеров, как и он сам, безусловно, включал в себя и спецов, работающих по сомнительным или вовсе уж противозаконным заказам. Такие люди держались особняком, и дел с ними Мирослав не вел. Может, беседуют со всеми подряд? Или это двухлетней давности эпизод с созданием бот-сети сейчас грозит оторваться горячими слезами? Но для заказчика Берков в той сделке так и остался анонимом под одноразовым никнеймом «Uparsin»: аккуратно и в срок выполнил заказ, получил свое и растворился в недрах всемирной паутины. Откуда же такой интерес к его скромной персоне?

Беседа закончилась ничем, то есть свободой – парочка выразила убежденность в приверженности господина Беркофф высочайшим стандартам профессиональной этики и уверенность в том, что господин Беркофф никогда не позволит себе занятий деятельностью, противоречащей национальным интересам США. Затем вскользь, сокрушенно кивая двумя

головами сразу, посетовали на негуманность пенитенциарной системы Соединенных Штатов. Знаете ли, Гуантанамо и все такое. Уроды иноземные угрожают на всякий случай, профилактруют – так вывел для себя Мирослав.

Этого первого и последнего предупреждения оказалось достаточно, чтобы вычеркнуть из списка возможных контрактов любые трансграничные проекты, которые хоть сколько-нибудь отдавали душком киберпреступлений и могли заинтересовать спецслужбы США. В тот раз Мирослав обнаружил, что теперь знает, откуда у него выделяется адреналин, а заодно и все сопутствующие ингредиенты.

Однако письмо, которое сейчас мерцало на экране монитора – там, в комнате, за огромной сдвижной стеклянной дверью – содержало предложение столь же интересное и заманчивое, сколь и безопасное. Безопасное в известном, конечно же, смысле – американских интересов оно не нарушало, скорее, наоборот. Мирослав, отставив звякнувший кубиками льда толстостенный бокал, вздохнул и направился внутрь, вдохнуть кондиционированного воздуха, а заодно и перечитать послание.

В сущности, это оказался вполне обстоятельный job-offer, правда, без соцпакета и медицинской страховки. После предварительного обмена посланиями (ссылок на рекомендации, устанавливающие осведомленность автора письма о специализации Мирослава и готовности последнего к диалогу) человек с именем Shark предлагал работу: требовалось «под-

ломить» сегмент мини-АТС правительства Излучинской области, обеспечив удаленный и скрытый доступ к некоторым функциям внутренней телефонной сети. Оплата предусматривалась такая: невозвратные две тысячи долларов аванса на карту после согласия, восемь в случае успешного результата и пять процентов прибыли, если таковая будет. Акция технически несложная, если обладать кое-какими дополнительными сведениями.

На первый взгляд, сделка – чистый марципан, однако Мирославу никак не удавалось уяснить экономическую целесообразность акции. Взлом АТС мог иметь только одну цель – формирование и перенаправление трафика в адреса сервисов платных услуг, вроде «секса по телефону», с последующей монетизацией этого самого трафика. Естественно, за вычетом стоимости международных соединений, которую взимают международные операторы связи. Схема тривиальная, много раз обкатанная на практике, совершенно незаконная и при плохой подготовке копеечная. Вот отсюда и вопрос: это какой же должен быть трафик, чтобы окупить суммы, предложенные ему, Мирославу? Несомненно, прежде чем дать согласие, нужно попросить у заказчика подробности. Да, подробности, которые еще и косвенно подтвердят, что заказчик – серьезный человек, понимающий, что именно он делает. Решено. А сейчас нужно отвлечься. Пожалуй, еще не поздно позвонить Мишке.

Глава 9

До девятнадцати лет он был для всех просто Семей, жизнерадостным и очень, очень умным еврейским пареньком с моторчиком на вечных батарейках внутри. Впрочем, никому и в голову не приходило тогда называть пареньков «еврейскими» или, к примеру, «татарскими» – можно было получить в морду, причем не от Исаака или Равиля, а от их дворового друга Петьки. Сема оказался удачлив от рождения – впервые ему несказанно повезло четвертого июля сорок первого года. До сей поры он отмечал эту дату как день своего рождения, хотя в паспорте значилось другое число. Маме с пищащим свертком посчастливилось эвакуироваться с одним из последних эшелонов, а через пару дней местечко неподалеку от Житомира было стерто с лица земли немецкими тяжелыми гаубицами, а затем и раскатано в ровное поле панцерами вермахта.

Ошеломительно повезло в школе. Ничем не примечательная десятилетка в башкирском селе по неведомой прихоти судьбы (а может, и обкома партии, что было тогда одно и то же) оказалась набита сокровищами – научной элитой СССР. Профессура, доктора и кандидаты наук, сотрудники разоренных войной институтов, лабораторий, кафедр – многие из них, захваченные бреднем эвакуации, осели в тылу, некоторым и возвращаться оказалось некуда. Сема, как губ-

ка, впитывал мысли, факты, идеи, научные знания, уровень которых иногда превосходил не только программу средней школы, но едва ли был доступен даже в институтском курсе. Семиных восьми классов оказалось более чем достаточно для экзаменов экстерном за десятилетку, которую он закончил в пятнадцать, а красный диплом Уфимского университета свалился ему в руки, как перезревшее яблоко, к двадцати годам.

Аспирантура промелькнула быстро, и вот уже кандидат технических наук Семен Абрамович Лифшиц, двадцати трех лет от роду, комсомолец, сын погибшего орденоносца и командира минометной батареи Абрама Лифшица впервые задумался – что дальше? Молодость, вера в науку, кандидатская степень и задел докторской диссертации, два иностранных языка (плюс к тому – идиш и башкирский, которые всегда в анкетах обозначали отдельной строкой «языки народностей СССР») буквально толкали его в Москву, куда-нибудь к Курчатову, Ландау, Королеву или Харитону. Не сложилось.

«Москва для вас не резиновая» – вот что он услышал от номенклатурной тетки с халой на голове. Аудиенция происходила в каком-то высоком околонучном кабинете. Тетка намеренно артикулировала «вас», а через несколько секунд первые попавшиеся Семе в руки бумаги с теткиного стола полетели той в лицо. Никакого скандала не случилось, но талантливый молодой ученый Лифшиц для себя выводы сде-

лал. Его родина – не эта огромная и холодная страна целиком, а маленькая башкирская деревушка, и другой родины у него нет. А если и появится место, где он сможет себя чувствовать дома, то это место должен построить он сам, и никакой роли не играет, в какой части земного шара этот дом будет находиться. Эммочка – жена, соратник, а сейчас уже и мать, бабушка – целиком поддерживала такую точку зрения мужа без малого вот уже пятьдесят лет.

Своего потолка Семен Абрамович достиг к сорока – после успешного испытания в Капустином Яру изделия РДС-10 «Пионер», для которого лаборатория Лифшица разрабатывала «кое-что». «Кое-что» было системой навигации, недостижимой для науки и промышленности заокеанского супостата, включало в себя восемь патентов на изобретения и семнадцать свидетельств на полезные модели, а по оригинальности технического решения «кое-что» оставалось непревзойденным до сих пор. Впрочем, это уже не играло никакой роли. Ему дали кафедру в Излучинском политехническом, еще через год он стал профессором. Дальше двигаться было некуда, тупик.

Лифшиц тащил кафедру восемнадцать лет, но без огонька, по инерции, любя и взращивая молодежь в науке, а не саму науку, просиживая часами с шустрými студюзусами... В девяностых бросил к чертовой матери, и на шестом десятке ушел в бизнес, точнее – в никуда. «Никуда» быстро стало компанией, разрабатывающей высокотехнологичные проте-

зы и сотрудничающей с крупными клиниками Европы. Эмочка жила в городке Раттинген близ Дюссельдорфа вместе с внуком, студентом университета Гейне. А мама умерла совсем недавно, больше девяноста ей было.

Семен Абрамович переживал ту пору солнечной и теплой мужской осени, когда заботы об кашляющих детях, выстраивании карьеры, постройки дач и прочих важных вещах канули в прошлое, а истинное удовольствие доставляет изящный клапшtos в «американке», свежий умный собеседник или неожиданное приключение.

Гостям из молодости, из солнечного прошлого Семен Авраамович (таки подправил он отчество, мама рассказывала, что папа Авраамом назывался по метрике) был рад всегда и звонку своего аспиранта Максимки, подававшего когда-то надежды, искренне обрадовался. Натулечку припомнил, была такая студентка, и роман ее с Максимкой развивался красиво, ступенчато, по науке. Помочь советом? Ой, да не упрашивай, я и так соглашусь. Поговорить за деньги? Я готов послушать за вашу просьбу, и будем посмотреть за деньги, но деньги – резаная бумага, мусор, Максимушка. Не надо в Москве, и не надо в Дюссельдорфе, здесь вообще-то (по секрету тебе скажу) ахтунг и немцы! Я отлично имею свою квартиру в нашей с вами дыре и как раз собирался ее проверить, и волжские шикарные пляжи тоже – Хайфа рядом не стояла, об чем речь! Ну, конечно же, в марте, мой дорогой, недельки через две, раньше не могу. И не берегите

меня от положительных эмоций!

Буффонада, шутки, бурлеск! Несмотря на внятный восьмой десяток Семен Авраамович не мирился со снижением своей личной «планки» – врачей демонстративно высмеивал, к болячкам своим относился с юмором, коньячком поддерживал хорошую компанию. С дамами лет сорока, которые ему во внуки годились, держал себя словно гвардейский поручик, доматывающего фамильное поместье. Небольшое, душ на пятьсот.

Находясь в этом образе (серый однобортный твидовый пиджак от Tommy Hilfiger, демократичная сорочка Etonc с шелковым шейным платком, туфли Baldinini, пальто из верблюжьей шерсти и коричневый кожаный кейс), Лифшиц с удовольствием предъявил израильский (а как же?) паспорт на имя гражданина таки Лифшица внимательно-му прапорщику в погонах с кантом зеленого цвета. Какая прелесть, боже ж мой, неужели прапорщики еще остались! Завтрашняя беседа с Наташенькой – двадцать лет прошло, но наверняка она очаровательна, как прежде – была ему очень, очень интересна. Старая гвардия опять в строю! Разговор с Максимом озадачил, тот явно что-то недоговаривал, а это была интрига, которой так не хватало в сытой, законопослушной и потому подловатой Европе.

Глава 10

В таком сумасшедшем ритме Наталья не работала еще никогда, даже в лаборатории Лифшица, где еще студенткой увлеклась наукой. Если быть честной, то Максом и немножечко наукой. Но двадцать – не сорок четыре, поэтому чувствовать себя на пятнадцать было удивительно, антинаучно и волшебно! Специально отказавшись от препаратов, стимулирующих деятельность мозга (вот, разве что глицинчик), она за своим организмом наблюдала с изумлением – сон требовался всего часа три в стуки, утомляемость ушла в прошлое, болей не было и в помине. Изменились предпочтения в еде – много рыбы, овощей, зеленого чая. Она похудела! Нет, не так. Она вошла в норму, это раньше она была какая-то опухшая. Ха, вот и чувство юмора вернулось, только вот какая штука – оно странное, посверкивает блестками антрацитовый черноты.

Две недели после выхода из больницы (да что там «выхода» – вылетела пулей и не оглядывалась) Наталья безвылазно сидела в снятой на скорую руку однокомнатной студии (Максим квартиру продал быстро). Выжигающая сознание жажда отмщения в одну из гулких больничных ночей внезапно, щелчком превратилась в четкий и хладнокровный план. План возмездия, так сперва показалось Наталье.

Критический же самоанализ (Наталья трепетно относи-

лась к духовной гигиене) обнажил следующий факт. Наталья Олеговна Сапарова является твердым и последовательным противником глупейшей идеи посмертного воздаяния и убежденным сторонником воздаяния прижизненного. Сейчас она желает причинения справедливости, восстановления баланса добра и зла, равновесия вселенной. Вот такая бухгалтерия.

Нестерюк – таракан, и мечтать о победной войне именно с ним (персонально с ним) казалось унижительным. Ненавидимый Нестерюк трансформировался в некий символ зла вроде талантливого актера из ГДР Фрица Дица, который всю свою жизнь в кино играл только Гитлера. Ненавидели Гитлера, а видели – Дица. Парадокс. Эта дурацкая аналогия, угловатость которой была очевидна, Наталью смешила и в то же время наводила на размышления: как может себя чувствовать человек, в котором десятки лет несколько поколений людей узнают чудовище, и это лишь за его профессиональные качества? Вот и Нестерюк – способен, изворотлив, откровенно умен. Мог бы, наверное, стать врачом (не дай бог), учителем (свят, свят!), офицером (может, только полицейским?), наконец. Но он выбрал сладкую плесень государственной службы (и наверняка не случайно, да нет возможности в душу ему заглянуть), стал грибком, питающимся

тем, что ему доверили – общественным достоянием. А в ходе трапезы на гарнир он жрал и людей – их судьбы, карьеру, надежду на будущее детей, веру человека в свое государство. В общем, употреблял все, что подворачивалось, перерабатывал в деньги, в личную карьеру, и, наконец, в недоверие, а чаще в ненависть людей к государству.

А государство что ж? Да так же, как в тридцатые, в шестидесятые, и в нулевые, – показывает чудеса престижизации. Искореним коррупцию! Борьба с хищениями! Объективность и непредвзятость судопроизводства! Жилье ветеранам! Нет цензуре! И тут же нашалившему коррупционеру – годик условно (а миллионы, миллиарды похищенные – запомывали?). Сайтик же вздорный – прикрыть, а зачем клеветает? Старика-ветерана выдернуть из хаты и запихнуть в новостройку без воды и газа. А вон те помидоры, вино, сметану (из Грузии, Молдавии или Белоруссии) не завозить, что завезли – уничтожить обязательно, это хуже сыпного тифа. Ну, может, через месяц опять разрешим.

Так фокусник, едва прикрывая платочком ушастого кролика, запихивает того в цилиндр, и через мгновение обрачивается кролик то очумевшим голубем, то букетом фальшивых роз. Ничего особенного, привыкли. Похлопали, и разошлись. Ах, нет, минуточку, сейчас не хлопают. Сейчас, сидя в первых рядах, старательно конспектируют речи Лидера (слово «президент» тут не подходит: сегодня президент, завтра премьер) и его Соратников, светлея лицом

от блистательной яркости тезисов. Вот, высказал Лидер очевидное: «Коррупция недопустима и разъедает государственность». Так надо же записать обязательно и сразу, пока свежо! Смотрите, какая тонкая, стратегически дальновидная мысль – «искоренить коррупцию»! И, озаренные откровением, первые ряды склоняются, записывают, сурово кивают друг другу этак по-братски, по-апостольски: днями же и начнем, после собрания акционеров и охоты.

Свободное и честное телевидение тоже в стороне не остается (или насмехается так?), показывает старательное чистописание этих мудрых седых мужей. Порою все же проскочит в задних рядах иуда – или спит, или в носу ковыряет. Да ведь под объектив попадают неслучайно, тут расчет тонкий: отщепенец не ко двору пришелся и уж назначен к выбраковке.

Конечно, Наталье, несчетно подбиравшей в подъезде бездомных щенков и котят и в голову не приходило засесть на чердаке с винтовкой. Или с пистолетом Марголина – в подворотне. Между прочим, отличное оружие, легкое, точное, почти бесшумное, да и навык имеется! Но, разумеется – нет. Третье тысячелетие предоставляет инструменты более деликатные и стерильные, волоска с головы этого подонка не упадет, если только сам себе не вырвет. Но уж под одну гребенку с ним пусть пойдет и вся эта камарилья с липкими ручонками, вся чиновничья шушера. Любой, которого рикошетом заденет, – заслужил. Среди них нет матерей-одиночек, детей-инвалидов, больных стариков. Поэтому

мстить будем без деликатности, а инструментарий... Что ж, они не оставили ей выбора. Люди, которые непрерывно трясут бутылку теплого шампанского, должны быть готовы к наступлению неприятного события. Кусочек пробкового дерева, ударивший в определенное время и в определенное место, может быть опаснее пули.

Фантастически сложный план представлялся почти невыполнимым, слишком много обстоятельств могли помешать его реализации на любом этапе, а еще больше мелочей она просто не в состоянии сейчас предвидеть. Интуиция же подсказывала: давай, девочка, ты справишься, и если не догонишь, то хотя бы согреешься. Склад ума Натальи – ума инженера, исследователя, аналитика – давал пусть призрачную, но надежду.

Десять последних лет она продавала этот ум в проектном институте одной из «дочек» Газпрома. Как на покладистую лошадь, на Сапарову наваливали десятки функций, рассчитанных по меньшей мере на три отдела. Она их изумленно тащила и жрала овес (да, пусть не сено, а отборный овес), так уж устроена вампирская соковыжималка под названием «корпорация с госучастием». Она многому научилась и сейчас была намерена использовать эти навыки. Основные вехи плана (нет, Плана) Наталья продумала, а вот деталями как

раз и предстояло заниматься до приезда Абрамыча.

Полученные за квартиру пятьдесят тысяч были лишь каплей в море денег, необходимых для Плана, поэтому отщипнуть от них кусочек в три-четыре тысячи было уже не жалко. Не экономя на ерунде (сейчас важнее скорость), Наталья за два дня заказала с доставкой на дом нужные вещи. Мощный ноутбук Hewlett Packard, десятидюймовый восьмиядерный планшет на процессоре Qualcomm (только «чистый» Android и никаких извращений), неубиваемый смартфон в климатическом исполнении, кое-что по мелочи. Дни и ночи напролет проходили в сборе и анализе информации, чтении форумов, поиске возможных консультантов, переписке с людьми, скрывающимися за странными никами. План корректировался, обрастал подробностями, превращался из красивого – в блистательный, из авантюры – в стройную военную доктрину и увлекал, захватывал, насыщая кровь адреналином. И все же хрупкая эфемерность замысла была очевидна: очень, очень многое зависло не столько от нее, сколько от верности первых шагов к цели. И шаги эти предстояло пройти под руку с Лицфшицем. Если он, конечно, согласится...

Глава 11

– Хорошо, Наташенька, допустим, я соглашусь, а вся эта негоция не представляется технически сложной или нарушающей закон, – Лифшиц, склонив голову набок, выжидающе прищурился.

– Мне кажется, это вопрос, а не утверждение, не так ли? – Наталья, сделав глоток обжигающего эспрессо, обвела взглядом интерьер лобби-бара отеля Renaissance Izluchinsk Hotel, где они расположились час назад. – Кстати, как вам тут?

– Готичненько. И по-азиатски роскошно, что находит отражение в счете. Знаете, триста евро в сутки – это перебор, все же Излучинск отнюдь не Дубаи. Впрочем, я сам виноват, у меня не возникло желания жить в своей пыльной квартире. Вы знаете, я просто держу там книги, да. Так что там с законностью?

Наталья задумчиво пожала плечами, давая понять, что обдумывает ответ. Что ж, Семен Абрамович никогда не числился болтуном или трусом. И в проницательности ему не откажешь – оказывается, он еще и отличный физиономист, а выражение лица Натальи было трудно назвать беззаботным. Что ж, надо нырять, тут неглубоко.

– Семен Авраамович, простите, что не упомянула о некоторых обстоятельствах с самого начала. Вы правы, дело

с душком. Но душок этот будет проистекать исключительно от внутренних проблем Роскомтела, которые у него, видимо, образуются. К европейским операторам связи – к слову, я пока не решила, каких – все это не имеет отношения. Бизнес обещает быть хрустальной чистоты и прозрачности. Разве что очень короткая жизнь компании может насторожить.

Лифшиц удовлетворенно кивнул и, не оборачиваясь к стойке бара, махнул рукой. Подскочивший официант вырос из ниоткуда, держа в руках тоненькую кожаную папочку меню.

– Молодой человек, э-э... Сережа, – Лифшиц раньше носил очки, но теперь обходился без них и без труда прочитал имя на бейдже, – вот эту рыбку мне принесите, а даме десерт на ваше усмотрение.

– Отличный выбор. Только знаете, – официант замялся, – это не рыба, а буженина в соусе из белых грибов...

– Что, разве я спрашивал, как эта вкусная рыба называется? – Лифшиц недоуменно уставился на покрасневшего официанта. – Несите, юноша, несите.

У Натальи потеплело на душе – Абрамыч в своем репертуаре, и эта шутка, несмотря на менделеевскую бороду, по-прежнему у него в ходу.

– Итак, Наташа, вы меня убедили. Мне симпатична интрига, и просьба Максимэна лично для меня – не последний аргумент. Но мне требуется подумать, – Лифшиц предостерегающе поднял ладонь, – и умоляю, не спешите скорее, чем

я! Мне таки семьдесят семь без трех лет, а вы беспардонно молоды. Поговорим о финансовой стороне вопроса. Какие ваши предложения?

– Семен Авраамович, не буду скрывать, что я хочу на этом заработать, и немало. Есть риск, что не получу ни копейки, но ваша работа должна быть оплачена. И будет оплачена. Я предлагаю покрытие всех издержек: перелеты, гостиницы, представительские, аренда машины, и, конечно, оплата услуг привлекаемых посредников. Плюс ваша премия. Назовите вашу цену.

– Не сомневайтесь, назову, и вы таки не упадете в обморок, а мне хватит на мацу и форшмак, с вас, надеюсь, не убудет. Однако я интересуюсь, это не крайние ваши деньги? И если оно так, то это плохо для здоровья, Наташенька. Вы хорошо подумали?

Деньги были «крайние». Они таяли, как снег, а будет ли еще снегопад в этой жизни? Но для Натальи, которая каким-то волшебством выкарабкалась из inferнально мрачной ямы небытия, сей факт представлялся шелухой. Жить, только жить, но жизнь эта не будет в радость без воплощения плана возмездия. Нестерюк должен исчезнуть – не как физическое тело, конечно, но как фигура, как чиновник, как ходячий бурдюк, набитый спесью. Ведь он крокодил, мелкий бес, холера. Ну а деньги – что ж, если дело не выгорит, она останется всего лишь без квартиры.

– Я уже все решила, и чем скорее мы приступим, тем боль-

ше у нас шансов на успех. Вы не волнуйтесь, Семен Авраамович, – Наталья деликатно накрыла ладонь Лифшица своей, – возможно, вы не понимаете всей схемы, но я хорошо все продумала. Все факторы, все детали. Как вы учили нас раньше, помните?

Лифшиц усмехнулся. Молодежь самонадеянно считает, что лишь им, нежно-зеленым, уготованы честь и слава открытия америк вместе с австралиями. Про велосипеды и говорить не стоит, уж это обязательно и ежедневно. А такие старые веники, как Лифшиц, день-деньской сидят в кресле-качалке под дырявым пледом и в старых стоптанных калошах. С прошлогодним кроссвордом. А, ладно, покажем ей небо в алмазах, азохен вей!

– Я попрошу с вас десять процентов прибыли. Может быть, куплю колеса для моего БМВ. Вижу, вы не против, а теперь давайте пройдемся концептуально по всем пунктам вашей махинации, Наташенька, и четко распишем роли. – В руке Семена Аврамовича появился блокнот. – Перейдем к делу. Итак, сначала вам нужна оффшорная компания. Это моя зона ответственности. Вопрос: зачем вы прицепились к Белизу и Сейшелам? Пытаетесь экономить? Так я вам скажу, что Белиз – это тухес, давайте сделаем шотландскую юрисдикцию, хоть это и дороже.

– Мотивируйте, Семен Авраамович.

– Охотно. Сейшелы-мейшелы в прошлом, сейчас там идиотские правила о раскрытии информации. А у нас с вами

что? У нас планируемый источник поступления средств – Италия, Испания и вообще любая европейская страна, так? Так. Очевидно, что денежные потоки между двумя европейскими резидентами вызовут гораздо меньше подозрений и вопросов у любого фискального института. Тем более что и банк вы предполагаете в... Латвии, говорите?

– Да, это должен быть *Latvijas pasta banka*, по крайней мере, так я вывела для себя, исходя из доступности алгоритмов управления счетом и важности последующего выведения средств. Деньги придется вывести все и быстро, – Наталья говорила уверенно, вопрос с банками рассматривался ею с особой тщательностью.

– Допустим, но нуждается в проработке. Есть что-то еще?

– Есть. Вы как всегда проницательны, – Наталья наклонилась к собеседнику. – Хотя схема и не предусматривает вывод денег из России, я хочу, чтобы ни одна собака в этой стране была не в состоянии отследить транзакции. Латвия в нынешней политической ситуации не будет сотрудничать ни с прокуратурой, ни с полицией. Она и раньше это делала неохотно.

– Всецело поддерживаю. В этом случае связка «Шотландия – Латвия» выглядит совсем пушистой, просто цимес. Я, как вы догадываетесь, последние двадцать лет не теорему Пифагора преподавал, и компаний этих прошло через мои трудовые мозолистые грабки столько, – Лифшиц изящно взмахнул руками пианиста с отчетливо заметным мани-

кюром, – что вам лучше и не спрашивать. Рига не раскроет информацию просто из вредности. Да и суммы будут не настолько невелики, чтобы поднимать на ноги Европол, ведь верно?

– Невелики. Думаю, около миллиона евро. Может быть, чуточку больше.

Лифшиц моргнул и очень аккуратно пожил блокнот на столик, уставившись на сидевшую напротив него женщину.

– Я с вас удивляюсь, девушка. «Чуточку» – это же сколько, позвольте поинтересоваться? А, не отвечайте, – Семен Авраамович сердито отодвинул в сторону тарелку с «рыбой». – За миллион я работаю, что твой биндюжник, причем цельный год, а вы мне тут рассказываете! Так я могу купить с этого гешефта и то, на чем держатся колеса?

– Видите ли, я сама не знаю точно. Может оказаться, что вообще ничего не получится. – Наталья сокрушенно вздохнула, и тут же поправилась. – Нет, нет! Ваши издержки, Семен Авраамович, будут оплачены в любом случае, не сомневайтесь.

Где-то за стойкой бара звякнул разбитый барменом фужер, раздались редкие аплодисменты – гостей в этот час было немного. Помолчав, Лифшиц боднул воздух головой и снова взял ручку.

– Давайте пойдем дальше, отважная вы моя. Итак, допустим, Италия. Что конкретно вы мне поручаете сделать

в этой прекрасной солнечной стране?

– Там проще, – заторопилась Наталья, – надо подобрать оператора связи. Точнее, агрегатора, виртуального оператора, то есть посредника, который продает или сдает в аренду номерную емкость и услуги связи, купленные у других, более крупных поставщиков. Чем больше будет между деньгами на счете и поступившим трафиком различных контрагентов и посредников – тем лучше.

– Я это понял сразу же, как только услышал за шесть нулей. Ближе к делу, мон шер.

– Так вот я и говорю. Лучше выбрать ту компанию, которая работает на территории Италии, Франции, Германии, Испании, Бельгии, это не принципиально. Важно, чтобы компания не являлась резидентом этих стран. Задача агрегатора – получить свою долю от оператора связи за поступивший трафик и перевести деньги на счет нашей компании. За вычетом комиссии это может быть около пятидесяти – семидесяти процентов от суммы.

– Договор с агрегатором, как я понимаю, тоже моя задача, – задумчиво констатировал Лифшиц. О таких схемах он слышал. – Откуда же возьмется тот самый контент, и, не побоюсь этого слова, трафик?

– Правильно, уловили самую суть. Скажу сразу – контента не будет, а трафик будет. В бумагах пропишем содержимое, вам эти бумаги придется в банке предъявлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.